

ВИДООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА: ПРЕФИКСАЦИЯ И/ИЛИ СУФФИКСАЦИЯ?*

© 2015 г. Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия
elena-gorbova@yandex.ru, e.gorbova@spbu.ru

В статье обсуждается значимость для теории русского вида некоторых новых для аспектологии положений: гипотезы о префиксах как глагольных классификаторах и теории множественной префиксации с встроенным в нее ограничением на третичную имперфективацию. На основе осмысления этих положений, а также корпусного диахронического исследования вторичной имперфективации и анализа аспектуально-семантических (акциональных) свойств первичных и вторичных имперфективов, предлагается альтернативный взгляд на устройство грамматической аспектуальной зоны в русском языке как одновременного существования двух механизмов: (слово)классифицирующей приставочной префиксации и словоизменительной суффиксальной (вторичной) имперфективации.

Ключевые слова: русский глагол, вид, (множественная) префиксация, суффиксация, перфективация, имперфективация, словоизменительная категория, словоклассифицирующая категория

ASPECTUAL FORMATION OF RUSSIAN VERB: PREFIXATION AND/OR SUFFIXATION?

Elena V. Gorbova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia
elena-gorbova@yandex.ru, e.gorbova@spbu.ru

The article discusses the relevance of the verb classifier hypothesis and the multiple prefixation theory with the tertiary imperfectivization constraint for the theory of Russian aspect. An alternative view on the structure of the grammatical aspectual domain in Russian is offered on the basis of these assertions, as well as diachronic corpus research of secondary imperfectivization and a discussion of aspectual-semantic (actional) properties of primary and secondary imperfectives. The structure is viewed as composed of two parallel mechanisms: derivational prefixal perfectivization and inflectional suffixal (secondary) imperfectivization.

Keywords: Russian verb, aspect, (multiple) prefixation, suffixation, perfectivization, imperfectivization, inflectional category, derivational category

Введение

В последние годы славянская и русская аспектология, которые, впрочем, никогда не были спокойными областями лингвистики с полностью решенными проблемами и достигнутым консенсусом по основным теоретическим вопросам, переживают особый этап развития. По-видимому, в немалой степени он обусловлен необходимостью определить

---

* Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

место славянского вида (в наилучшей степени репрезентируемого его русским вариантом) на фоне той картины, которую на сегодняшний день дает общая (то есть типологическая) аспектология, начало которой было положено в 1970-е гг. работами Б. Комри и Ю. С. Маслова [Comrie 1976; Маслов 1978; 1984; 2004]. Как известно, уже в [Dahl 1985] было введено понятие «вид славянского типа», подчеркивающее специфику этой категории как проявления «лексикализованной» грамматической категории. Такой характеристикой подчеркивался деривационный и, следовательно, словоклассифицирующий характер русского вида на фоне преобладающего в других языках словоизменения в рамках семантической аспектуальной зоны. Эта специфика была подчеркнута в предложенном В. А. Плуныном [Плунын 2000; 2011a; 2011b] терминологическом разграничении: параллельном использовании двух терминов — а с п е к т и вид — при закреплении второго за славянской (русской) аспектуальной грамматической категорией. Немалую роль сыграло также довольно бурное развитие такого направления в аспектологии и грамматической семантике в целом (имеющего целый ряд наименований, назовем некоторые из них: семантические типы предикатов, лексический вид, ситуационные типы, таксономические категории, фундаментальная классификация предикатов, акциональные классы, акциональность), спецификой которого является изучение криптотипических (по Б. Уорфу [Уорф 1972]) явлений, тесно (со стороны семантики) связанных с аспектуальностью.

Вместе с тем буквально за последние пять лет аспектологическая литература обогатилась работами, которые ввели в научный оборот как новые ракурсы рассмотрения уже известных явлений, так и впервые предложенный анализ давно замеченных, но ранее удовлетворительным образом не описанных и не объясненных феноменов. Ко второй категории, как представляется, относится серия статей С. Г. Татевосова о множественной глагольной префиксации в русском языке, в которых предложен алгоритм функционирования механизма множественной (вплоть до четырех префиксов в глаголе) префиксации, а также, в тесной связи с префиксацией, определены ограничения на вторичную имперфективацию [Татевосов 2009; 2010; 2013; Пазельская, Татевосов 2008; Tatevosov 2011]¹.

К категории новых решений для представления хорошо известных языковых явлений, причем решений, базирующихся на новых методах исследования (с привлечением серьезного статистического аппарата и использованием немалых возможностей корпусной лингвистики на базе [НКРЯ]), следует в первую очередь отнести результаты работы исследовательской группы CLEAR² из Университета Тромсё (Норвегия) под руководством Лоры Янды [Janda, Lyashchevskaia 2011; Янда 2012; Endresen et al. 2012; Кузнецова, Янда 2013; Janda et al. 2013]. На основе ранее разработанной концепции видовых гнезд (или видовых

¹ Отметим, впрочем, что еще в работе С. Карцевского 1927 г. можно найти трехступенчатый алгоритм так называемой отглагольной деривации, где на 1-й ступени деривации — перфективации — к исходному глаголу (например, *толкать*) присоединяется либо префикс (*вы-толкать*), либо (семельфактивный) суффикс (*толк-ну-ть*), на 2-й ступени — имперфективации — к префиксированному результату деривации предшествующей ступени присоединяется суффикс (*выталк-ива-ть*), на 3-й ступени — вновь перфективации — присоединяется префикс (*по-выталкивать*) [Карцевский (1927) 1962: 220—222]. При этом автор указывает, что «развертывание результативного процесса во времени (на 2-й ступени. — *Е. Г.*) — операция грамматического характера» (грамматической, то есть словоизменяющей, признается результат исключительно этой операции) и «вторичные совершенные глаголы образуются исключительно при помощи приставок *на-, по- и пере-*» [Там же: 220, 226]. Этот алгоритм, думается, может быть сочтен предшественником значительно более детально разработанного механизма «множественной префиксации», предложенного в упомянутых выше работах С. Г. Татевосова (на что у последнего автора указания отсутствуют). В частности, предложенный Карцевским список показателей вторичной перфективации отличается от списка внешних (супралексических) префиксов в [Татевосов 2013] лишь отсутствием одного префикса, инхоативного *за-*.

² Как указано в [Кузнецова, Янда 2013: 87], «CLEAR: Cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian — научная исследовательская группа, в которую входят Л. Янда, Т. Нессер, Ю. Л. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, А. Б. Макарова, С. В. Соколова, А. А. Эндресен».

кластеров), см. [Janda 2007; Janda, Korba 2008], а также [Янда 2012: 4—5], этим исследовательским коллективом был осуществлен целый ряд интересных изысканий: семантический анализ в рамках таких инструментов, как профили радиальных категорий³ шестнадцати глагольных префиксов и семантические профили тех непроемных глаголов, которые вошли в предварительно созданную исследователями базу данных «Exploring Emptiness» (см. <http://emptyprefixes.uit.no/>); корпусное исследование так называемой префиксальной вариативности и конкуренции между первичными (бесприставочными) и вторичными имперфективами⁴ в составе видовых троек; предложена трактовка русских глагольных приставок в качестве системы глагольных классификаторов (подобно хорошо известным в типологии системам именных классификаторов). Результаты этой работы подробно изложены в серии статей [Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Endresen et al. 2012; Кузнецова, Янда 2013] и сведены воедино в книге [Janda et al. 2013]. Предложенные Л. Яндой трактовки не прошли незамеченными, вызвав дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 2012—2013 гг., см. [Янда 2012; Зализняк, Микаэлян 2012; Кузнецова, Янда 2013].

Цель настоящей статьи заключается в попытке комплексного осмысления идей и результатов исследований, изложенных в упомянутых выше публикациях, с привлечением материалов собственного диахронического исследования функционирования вторичной имперфективации в период с начала XVIII в. до наших дней. В результате предполагается получить обоснование взгляда на русский вид, несколько отличного от того, в соответствии с которым русский язык обладает специфически устроенной аспектуальной оппозицией — «видом славянского типа». Соответственно, в отдельных разделах статьи будут рассмотрены следующие вопросы: а) (единичной) глагольной префиксации и ее аспектуальной и акциональной роли — раздел 1; б) множественной глагольной префиксации в связи с суффиксальной имперфективацией, вторичной и третичной — раздел 2; в) вторичной имперфективации в диахронии (XVIII—XXI вв.) — раздел 3; г) семантического соотношения первичного и вторичного имперфектива (НСВ₁ и НСВ₂) в биимперфективной тройке — раздел 4; д) о месте префиксальной перфективации и суффиксальной имперфективации в русском видообразовании — раздел 5.

1. (Единичная) глагольная префиксация

Начнем с теории видовых гнезд, поскольку именно в ней во главу угла поставлена (единичная) глагольная префиксация. В первую очередь для изложения основных положений и результатов исследования коллектива Л. Янды будет использована обобщающая монография [Janda et al. 2013].

База языковых данных, являющаяся основой работы данного исследовательского коллектива, насчитывает 1981 приставочный глагол, относимый (в рамках разрабатываемой теории) к так называемым естественным перфективам.

Вкратце концепция видовых гнезд выглядит следующим образом (приводимое описание в основном повторяет таковое в [Горбова 2011]). Видовое гнездо (или кластер) конституируется исходным, мотивирующим дальнейшую деривацию, имперфективом (глаголом НСВ₁⁵) и четырьмя типами перфективов: **естественным** (natural perfective — NP),

³ Радиальные категории — понятие, близкое понятию семантического поля, ср. разъяснения автора: «Семантическая концепция радиальных категорий опирается на результаты Э. Рош <...>, которая показала, что человеческое мышление организует экземпляры понятий в радиальные категории, состоящие из центрального прототипа и менее центральных экземпляров, так или иначе связанных с прототипом» [Янда 2012: 13].

⁴ Далее будут использоваться обозначения НСВ₁ и НСВ₂, введенные в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

⁵ За исключением имперфективов-состояний, ср.: «Given the lack of integration between States and other situations, and the fact that States do not have a gram (or set of grams) associated with them in Russian, I will eliminate them and their dimension from consideration there» [Janda 2007: 614].

специализированным (specialized perfective — SP), **комплексным** (complex act perfective — CAP) и **одноактным** (single act perfective — SAP).

В [Janda, Korba 2008: 255] отмечается, что естественный перфектив является эквивалентом видового партнера для НСВ в рамках понятия видовой пары («This is the Perfective that is the natural culmination of a Imperfective Activity, equivalent to the Perfective “partner” in the pair model»); в [Janda et al. 2013: 5] утверждается, что «Natural Perfectives... share the lexical meaning of their simplex partners»; например, *сыграть* и *спеть* для *играть* и *петь*. Таким образом, мы видим, что на начальных стадиях разработки этой концепции предполагалось, что в видовом гнезде не может присутствовать более одного естественного перфектива. В настоящий момент вариативность естественных перфективов при одном исходном глаголе НСВ₁ является одним из специально изучаемых и имеющих особую теоретическую значимость (для аргументации в пользу гипотезы, в соответствии с которой глагольные префиксы суть маркеры системы глагольных классификаторов) положений, см. главу 5 «Prefix variation» в [Janda et al. 2013: 139—162]. Относительно специализированных перфективов, легко допускающих вторичную имперфективацию, с самого начала было установлено, что их может быть более одного, поскольку эти перфективы в ходе префиксальной деривации модифицируют (лексическую) семантику исходного имперфектива. Комплексных перфективов также имеется несколько, поскольку они призваны ограничивать исходный глагол НСВ₁ со значением деятельности (activity) слева (префиксом *за-*), справа (префиксом *от-*) или двусторонне (делимитативным *по-*, пердуративным *про-*). Вторичная имперфективация комплексных перфективов, как правило, не допускается. Наконец, одноактный перфектив представляет один из «актов» (квантов) деятельности, обозначенной исходным глаголом НСВ. Формантом является, как правило, суффикс *-ну-*, хотя возможно и приставочное выражение (например, *сходить*).

Не каждому исходному имперфективу свойственно видовое гнездо максимального объема — со всеми четырьмя типами перфективов. Для примера, однако, приведем гнездо именно максимального объема из [Janda, Korba 2008: 257], в данной работе обозначенного как четвертый основной тип (Key cluster 4):

исходный имперфектив (A — activity): *резать*;

естественный перфектив (NP): *нарéзать* (также: *срéзать*, *зарéзать*, *вырезать*);

специализированный перфектив (SP): *врéзать* (НСВ — *врезать*), *обрéзать* (НСВ — *обрезать* / *обрезывать*), *перерéзать* (НСВ — *перерезать* / *перерезывать*), *разрéзать* (НСВ — *разрезать* / *разрезывать*);

комплексный перфектив (CAP): *порéзать*;

одноактный перфектив (SAP): *резнуть*.

Итак, база данных в рамках проекта «Exploring Emptiness» содержит 1 981 естественный перфектив, в образовании которых были использованы 16 префиксов (расположены в порядке убывания частотности): *по-*, *с-*, *за-*, *о(б)-*, *на-*, *про-*, *вы-*, *раз-*, *из-*, *у-*, *в(о)з-*, *от-*, *при-*, *пере-*, *под-*, *в-*, и 1 429 бесприставочных исходных имперфективов [Janda et al. 2013: 4—5]. Таким образом, 552 (39%) естественных перфектива оказываются избыточными, если исходить из того, что между естественным перфективом и тем исходным имперфективом, от которого он образован, имеется одно-однозначное соответствие. Как показано в [Janda et al. 2013: 141], 1 043 пары типа исходный имперфектив — естественный перфектив (практически эквивалентные традиционному понятию префиксальной видовой пары) не нарушают идеал одно-однозначного соответствия, однако 386 (27%) исходных бесприставочных имперфективов такого соотношения с производным перфективом не дают: они однозначно не предсказывают «свой» перфектив, демонстрируя, напротив, феномен *п р е ф и к с а л ь н о й* *в а р и а т и в н о с т и*. Последнее понятие трактуется как способность исходного имперфектива к использованию более одного префикса для образования естественного перфектива [Ibid.: 139]. Далее в [Ibid.: 141] отмечается, что явление префиксальной вариативности не является исключительным, хотя и широко распространенным оно сочтено быть не может.

Корпусное исследование показало, что 283 исходных имперфектива используют два префикса для образования естественных перфективов, 75 — три префикса, 21 — четыре префикса, 4 — пять префиксов и 3 — шесть префиксов (пример последнего случая: *мазать* — *вымазать*, *замазать*, *измазать*, *намазать*, *помазать*, *промазать*)⁶.

Как уже было упомянуто, явление префиксальной вариативности служит в [Janda et al. 2013] еще одним аргументом в пользу авторской гипотезы, получившей название «гипотеза наложения» (*overlap hypothesis*) и основанной на известном в аспектологической литературе эффекте Вея — Схоневельда⁷. Структурообразующим положением всей книги [Janda et al. 2013] является последовательное тестирование двух гипотез: уже упомянутой гипотезы наложения и гипотезы пустых приставок (*Empty Prefix Hypothesis*). Относительно каждого рассматриваемого явления формулируются логические следствия из обеих гипотез, далее проводится обсуждение избранного явления, после чего его итоги формулируются в терминах подтверждения/опровержения логического следствия из той и другой гипотезы. При обсуждении префиксальной вариативности (как, впрочем, и во всех остальных случаях) подтверждение получает гипотеза наложения, поскольку языковые данные получают объяснение путем логического следствия, выводимого именно из нее. Приведем следствия из обеих гипотез для обсуждаемого явления.

Следствие из гипотезы пустых приставок. Поскольку префиксы в составе естественных перфективов не обладают значением, отсутствуют основания для образования более чем одного естественного перфектива от любого исходного глагола. Префиксальная вариативность не должна иметь места вовсе либо она минимальна. В случае наличия префиксальной вариативности она носит случайный характер и не обнаруживает каких-либо семантических шаблонов.

Следствие из гипотезы наложения. Поскольку префиксы в составе естественных перфективов сохраняют свое значение, становится возможным присоединить к исходному глаголу более одного префикса. Префиксальная вариативность вероятна, поскольку различные префиксы демонстрируют различные виды наложения на значение исходного глагола. Различные виды наложения представляют собой взаимодействие с различными семантическими составляющими значения исходных основ, которые, как правило, имеют менее конкретную семантику по сравнению с производными от них естественными перфективами. Префиксальная вариативность носит систематический характер и протекает в соответствии с семантическими шаблонами [Janda et al. 2013: 140].

Проведенное исследование полученного из НКРЯ языкового материала и соответствующие количественные данные (см. таблицу 1 в [Ibid.: 142] и выдержки из нее выше) однозначно свидетельствуют в пользу гипотезы наложения.

В свою очередь, подтверждение гипотезы наложения, представляющей собой развитие идеи эффекта Вея — Схоневельда на новом этапе развития учения о русском виде, служит базой для формулирования другой гипотезы, «согласно которой русский язык является языком с глагольными классификаторами, а русские глагольные приставки, образующие естественные перфективы, представляют собой систему видовых классификаторов» [Янда 2012: 42] (интересно сравнить приведенную формулировку с более общей в [Janda et al. 2013: 179], где отсутствует уточнение относительно того, что речь идет о приставках, образующих естественные перфективы: «**Verb Classifier Hypothesis.** The prefixes sort the verbs according to the typical type of events expressed, similar to the way that numeral classifiers sort nouns according to the typical type of object referred to»).

Следует отметить, что гипотеза о наличии в русском языке системы глагольных классификаторов (каковыми являются глагольные префиксы), хотя и в менее эксплицитном

⁶ Данные из таблицы 1 в [Janda et al. 2013: 142].

⁷ Структурная модель Вея — Схоневельда [Vey 1952; van Schooneveld 1958; Кронгауз 1998: 80—82; Плуныян 2011а: 413] объясняет нулевой семантический эффект от присоединения префикса при перфективации исходного имперфектива не асемантической приставки, а совпадением ее значения со значением производящей основы, семантическим дублированием.

и аргументированном виде, была предложена чуть ранее Т. А. Майсаком, см. [Майсак 2005: 339—341], и упоминается В. А. Плунонгом в [Плунонган 2011а: 413—414; 2011б: 304—306; 2012: 22—24], о чем в монографии [Janda et al. 2013: 179] есть соответствующая оговорка (сноска 4). Отметим, однако, что в названных работах Майсака и Плунонга акцент сделан, скорее, на другом: на единой для всех обсуждаемых показателей функции, которая определяется как функция «ограничителя», или «трансформатив(атор)а», или «телисизатора» (показателя предельности модифицируемой единицы — исходного глагола), а также на неразрывно с ней связанную функцию «акциональной модификации смыслового глагола» [Майсак 2005: 339], получившую в аспектологической концепции В. А. Плунонга интерпретацию в качестве одной из граммем вторичного аспекта [Плунонган 2011а: 401—402]. Впрочем, здесь круг замыкается: акциональная модификация, семантическая суть которой сводится к введению предела для исходно неопределенных, но различающихся по лексической семантике глаголов (состояний и неопределенных процессов), вынужденно имеет не один оператор, а несколько, и эти операторы одновременно являются (глагольными) классификаторами. Классификаторы же всегда «работают» с различными лексемами. Поэтому признание префиксов классификаторами является еще одним аргументом в пользу словоклассифицирующего характера (и, в силу этого недостаточной грамматичности) «приставочного участка» русского видообразования. Напомним, что речь идет о тех префиксах, которые используются для перфективации исходных имперфективов и образования естественных перфективов (лексических, или внутренних, как мы увидим ниже). В этом смысле Дж. Форсайт был абсолютно прав, полагая, что «если отказаться от идеи чисто перфективирующих приставок (empty perfectivising prefixes), то “логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар ([t]he logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefixal pairs)” [Forsyth 1970: 38—43]» [Кузнецова, Янда 2013: 91]. Вопрос, на который мы постараемся ответить ниже, сводится к другому: насколько необходимо понятие префиксальных видовых пар для трактовки русского вида? На данный момент очевидным видится одно: для сохранения специфики «славянского вида» понятие префиксальной пары, несомненно, необходимо, поскольку является тем краеугольным камнем, который лежит в основе этой специфики.

Попробуем взглянуть на префиксы, участвующие в глагольной деривации (на ее первом этапе, этапе первой перфективации, если использовать терминологию С. Карцевского из [Карцевский (1927) 1962]), со стороны так называемой теории префиксации, разрабатывающей вопросы как классификации глагольных префиксов, так и налагаемых на (множественную) префиксацию ограничений (см. изложение основных положений этой теории, а также соответствующую библиографию в [Татевосов 2009; 2013]).

Общепринятым положением теории префиксации применительно к славянским языкам является тезис о разделении префиксов на два класса: внутренние (или лексические) и внешние (супралексические).

Различие между ними можно объяснить в структурных терминах: первые представляют собой (синтаксические) вершины, которые вступают в деривацию внутри глагольной группы, а вторые — за ее пределами:

[XP ... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]] [Татевосов 2013: 47].

В данный момент нас будут интересовать исключительно внутренние (лексические) префиксы, поскольку на первом этапе глагольной деривации к исходному глаголу присоединяются именно они; к внешним префиксам с их внутренней классификацией и свойствами мы обратимся в следующем разделе. К классу лексических относятся «все “чистовидовые префиксы”, все “пространственные префиксы”: *в(о)-, вз(о)-, воз(о)-, вы-, над(о)-, низ(о)-, о-, об(о)-, пред(о)-, с(о)1-, со2-, у-* и т. д.» [Татевосов 2013: 49]. Очевидно, что исчерпывающего списка этих показателей на этом этапе мы не получили.

Интересен вопрос: как соотносятся внутренние (лексические) и внешние (супралексические) префиксы русского языка и префиксы, характеризующие те классы русских перфек-

тивов, которые выделены в рамках теории видовых гнезд? Первое, что можно утверждать наверняка: к лексическим префиксам относятся все те 16 единиц, которые участвуют в образовании класса естественных перфективов (и, соответственно, представляют собой главный объект исследования в работе [Janda et al. 2013]). Это утверждение вытекает из отнесения к лексическим префиксам в приведенном положении Татевосова «всех “чистовидовых префиксов”» (см. выше), с одной стороны, а с другой, из признания автором теории видовых гнезд эквивалентности естественного перфектива и видового партнера для имперфектива в рамках приставочной пары при традиционном подходе к видовой парности. Таким образом, все 16 префиксов естественных перфективов входят в класс лексических.

Далее, отталкиваясь от того же определения лексических префиксов, данного С. Г. Татевосовым, в котором, кроме «чистовидовых», названы «пространственные» префиксы, мы имеем право предположить, что префиксы специализированных перфективов, изменяющих лексическое значение исходных глаголов, также являются лексическими, или внутренними. О правильности этого предположения свидетельствует сноска 7 в [Janda et al. 2013: 4], где авторы указывают на то, что граница между специализированными и комплексными перфективами соответствует границе между внутренними и внешними, или лексическими и супралексическими префиксами. (Одноактный перфектив, образуемый в первую очередь семельфактивным суффиксом *-ну-* (*-ану-*), по причине использования суффиксального форманта в рассматриваемый круг не входит.)

Исчерпывающий список лексических (внутренних) префиксов, таким образом, может быть получен путем сведения в единый перечень префиксов естественных и специализированных перфективов. Но перечня префиксов специализированных перфективов в базе данных «Exploring Emptiness» (в соответствии с основной направленностью исследовательского проекта на изучение естественных перфективов) нет.

Однако мы можем воспользоваться данными нашего исследования, посвященного изучению на базе НКРЯ диахронии вторичной имперфективации (в запрос было введено требование наличия префикса, подробнее см. в разделе 3 ниже). Поскольку вторичный имперфектив обязательно образуется от префигированного (причем с помощью именно внутреннего префикса) перфектива, полученный в данном исследовании набор (одиночных в составе глагола) префиксов является набором именно внутренних (лексических) префиксов. Наш перечень насчитывает 22 или 21 (при раздельном или совместном рассмотрении *o(o)-* и *ob(o)-* соответственно) единицы: *в-*, *в(o)з/вос-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-/ис-*, *на-*, *над-*, *недо-*, *o(o)-*, *об(o)-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *пре-*, *пред-*, *при-*, *про-*, *раз(o)-/рас-*, *с(o)-*, *у-*. Этот список отличается от списка префиксов, характерных для естественных перфективов, наличием в нем следующих пяти единиц: *до-*, *над-*, *недо-*, *пре-*, *пред-*.

Итак, резюмируем сказанное в данном разделе. На первом этапе глагольной деривации к исходному глаголу (в подавляющем большинстве случаев, обнаруживающем формальную имперфективность⁸) присоединяется лексический, или внутренний, префикс. Эта операция с аспектуальной точки зрения является перфективацией (результат — перфектив, в терминах теории видовых гнезд — естественный или специализированный перфектив). С точки зрения акциональности при этом происходит введение в ранее неопределенный глагол⁹ соотношенности с пределом (то есть телесизация) и, таким образом, лексический префикс неизбежно оказывается перфективатором-ограничителем. Этот эффект дает основание считать внутренние префиксы показателями одной из граммем вторичного аспекта (в рамках

⁸ В понимании С. Г. Татевосова: «Формально имперфективными являются такие и только такие основы, которые, если выступают без дополнительных деривационных показателей, в лично-числовых формах имеют временную референцию к настоящему» [Татевосов 2009: 119].

⁹ Это некое огрубление реальной картины. В действительности среди исходных первичных имперфективов есть и лексикографически предельные (в смысле — соотношенные с пределом), такие как *таять*, *меркнуть* и т. п. В таких случаях вводимый префикс конкретизирует и подчеркивает предел, при этом не теряя перфективирующего воздействия. Подробнее об акциональности исходных имперфективов см. в разделе 4.

аспектологической концепции В. А. Плуменя). В то же время, поскольку количество лексических префиксов в русском языке составляет два десятка, а также вследствие наличия серьезной аргументации в пользу гипотезы наложения (эффекта Вея — Схоневельда), данный класс префиксов может трактоваться и в качестве системы глагольных классификаторов.

Имеет смысл упомянуть еще одно свойство этих префиксов, отмеченное уже в 1927 г. С. Карцевским: изменение синтаксической характеристики исходного глагола путем введения валентности на прямое дополнение: «Присоединяясь к простому глаголу, приставка изменяет как его лексическое значение, так и его переходность и вид»¹⁰ [Карцевский (1927) 1962: 222]. В [Татевосов 2009: 105—109] данное свойство лексических префиксов, отличающее их от супралексических, анализируется как особое воздействие на актантную структуру исходного беспрефиксного глагола: «Присоединение внутренних префиксов может, во-первых, создавать новые, ранее отсутствовавшие актанты, а во-вторых, сохраняя количество актантов, менять их ролевые свойства». Явление первого типа иллюстрируется автором на примере агентивных неопредельных глаголов (деятельностей по Вендлеру, [Vendler 1967]) *работать* или *бежать*: «**работать большую сумму денег — за-работать большую сумму денег*, **бежать дом — о-бежать дом*» [Татевосов 2009: 105]. Явления второго типа показаны на ряде примеров, из которых процитируем один (номера примеров изменены, в [Татевосов 2009] обозначениям (1), (2) и (3) соответствуют (22), (23) и (24)):

- (1) Непроизводная основа *пили-*
  - a. Это заметно было и по поведению немцев, которые шумно бегали по лесу, **пилили деревья**, рубили ветки на топливо, раскидывали палатки [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)].
  - b. И для этого он по доброй воле и безо всякого вознаграждения каждое утро выходил колоть и **пилить дрова** для тюремной кухни [А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26—51 (1968)].
  - c. ?...срисовав нож нужного размера и формы, я **пилила его** лобзиком из трехслойной фанеры... (ср. (3с)).
- (2) Префигурованная основа *с-пили-*
  - a. Возможно, мы должны даже испытывать благодарность к капризу природы, который... как опытный садовник, срезал все большие ветки, **спилил** давно отжившие свой срок **деревья** [Е. Нахимов. Город умирающих деревьев (2003) // «Богатей» (Саратов), 30.10.2003].
  - b. *...**спилить дрова** для тюремной кухни... (ср. (1b)).
  - c. #...я **спилила нож** лобзиком из трехслойной фанеры... (ср. (3с)).
- (3) Префигурованная основа *вы-пили-*
  - a. *...каприз природы **выпиллил** давно отжившие свой срок **деревья**... (ср. (1a)).
  - b. *...**выпилить дрова** для тюремной кухни... (ср. (1b)).
  - c. — В библиотеке я взяла книжку про домоводство, срисовала нож нужного размера и формы и **выпилила его** лобзиком из трехслойной фанеры [Ю. Буйда. Город палачей // «Знамя» (2003)].

Думается, что в своей совокупности рассмотренные свойства лексических префиксов (среди которых модификация акциональности, классифицирующий характер, некомпозиционность значения, нестабильность актантной структуры) недвусмысленно свидетельствуют в пользу их трактовки как деривационных показателей, участвующих в процессе создания новых лексических единиц. Другими словами, в этих показателях заключена вся специфика вида «славянского типа», поскольку именно ими обеспечивается ее словоклассифицирующий характер, уподобляющий категорию глагольного вида категории субстантивного рода.

¹⁰ Поэтому совершенно закономерным является обязательная двухместность (переходность) образованного от перфектива и содержащего в своем составе лексический префикс (вторичного) имперфектива. В этой связи отметим показательность полученного С. Г. Татевосовым результата проверки (по НКРЯ) вторичных имперфективов на заполненность второй валентности: «Частотность вторичных имперфективов без прямого дополнения постоянна — 0%; по-видимому, такие употребления следует признать невозможными» [Татевосов 2010: 316].

2. Суффиксальная имперфективация: регулярность вторичной и запрет на третичную имперфективацию

Суффиксальная имперфективация будет рассмотрена со стороны занимаемого ею в русской (от)глагольной деривации места, причем с опорой на две концепции, которые позволяют полностью обозреть такую: Сергея Карцевского и Сергея Татевосова.

В [Карцевский (1927) 1962: 220—222] суффиксальная имперфективация появляется на 2-й ступени (от)глагольной деривации как присоединение имперфективирующего (вторичного в терминологии Карцевского) суффикса к префигированному на 1-й ступени деривации глаголу, ставшему в результате присоединения префикса формой совершенного вида: *выталак-ива-ть* (несов.) из *вы-толкать* (сов.) (см. выше сноску 1). Именно этот механизм и был назван в русской аспектологии вторичной имперфективацией.

Карцевский настаивал на том, что «вторичные несовершенные глаголы во всех отношениях тождественны совершенным глаголам, от которых они образованы», поскольку «они сохраняют как лексическое значение, так и значение переходности, свойственное их производящим» [Карцевский (1927) 1962: 227]. Производящий префигированный перфектив и производный от него (вторичный) имперфектив Карцевский считал видовой парой, причем той единственной видовой парой, которая репрезентирует грамматическую видовую оппозицию с характерной для ее имперфективного члена семантикой «развертывания во времени предвсего перфективированного процесса». Далее автор отмечает: «Эта оппозиция носит исключительно грамматический характер без какой-либо примеси семантического различия» [Там же]. То есть, говоря современным языком, в своей системе отглагольной деривации Карцевский считал данную ступень (и исключительно ее) словоизменением, отмечая теснейшую связь семантики вторичных имперфективов («процесс развертывания во времени уже перфективированного действия») с используемым суффиксом. Соответственно, логичным выглядит ожидание исследователя: «[т]еоретически от каждого приставочного совершенного глагола 1-й ступени может быть образована посредством вторичной суффиксации несовершенная параллель» [Карцевский (1927) 1962: 228]. Правда, в следующей же фразе Карцевский делает оговорку, констатируя отсутствие вторичного имперфектива у некоторых приставочных перфективов, возникших на 1-м этапе деривации, таких как «*сделать, сыграть, суметь, написать, поседеть, поцеловать* и т. д.» [Там же].

Относительно границ распространения вторичной имперфективации в последние годы проведено немало исследований, отраженных в целом ряде публикаций, например, [Гловинская 2008; 2010; Зализняк и др. 2010; Зализняк, Микаэлян 2010; 2012; Ремчукова 2011; Janda et al. 2013; Горбова 2014]. Во всех этих публикациях речь идет о значительно более широких (чем это может быть выведено из оговорки Карцевского) границах вторичной имперфективации в современной русской речи. В частности, приводятся данные, свидетельствующие о спорадическом использовании вторичных имперфективов в том числе и от тех перфективов, которые Карцевский приводил как пример отсутствия у префигированных перфективов соотносительных с ними (также префигированных) имперфективов — например, *сделывать, напisyвать* [Janda et al. 2013: 167; Татевосов 2013: 55, сноска 8; Горбова 2014: 9]. Этот вопрос будет более детально рассмотрен в разделе 3. Здесь же приведем только один факт: по результатам проведенного исследовательским коллективом Л. Янды корпусного исследования от 37% (НКРЯ) до 77% (поисковая система Google) всех естественных перфективов из базы данных «Exploring Emptiness» (напомним, их 1981) образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda et al. 2013: 170]. Таким образом, вторичная имперфективация от имеющих лексические префиксы перфективов может считаться не только теоретически возможным, но и в достаточной степени регулярным явлением.

В рамках алгоритма глагольной деривации С. Г. Татевосова имперфективация поверх лексического префикса (наряду с имперфективацией первичных основ обоих видов) названа ранней: «Договоримся называть ранней имперфективацией такую, которой подвергаются основы, не содержащие внешних префиксов <...>. Имперфективацию основ, в которые внедрился хотя бы один внешний префикс, будем называть поздней» [Татевосов 2013: 52]. Сложность заключается в том, что внешние префиксы в рамках концепции Татевосова делятся, как минимум, на два класса: позиционно-ограниченных (ПО-префиксов: комплетивный *до-*: *дописать*, репетитивный *пере-*: *перечитать (роман)*, аттенуативный *под-*: *подзабыть*) и селективно-ограниченных (СО-префиксов: делимитативный *по-*: *посидеть*, кумулятивный *на-*: *наловить (рыбы)*, дистрибутивный *пере-*: *переловить (всех преступников)*, инхоативный *за-*: *запеть*) [Там же: 48—49]. Кроме того, в последней версии концепции в классе внешних префиксов был выделен еще один подкласс, представленный всего лишь одним префиксом — дистрибутивным *по-*: *побросать*, который в [Татевосов 2009; 2013] назван левопериферийным.

Названные три класса внешних (супралексических) префиксов обнаруживают различные свойства по отношению и к взаимному комбинированию, и к суффиксальной имперфективации. По возможности кратко изложим основные свойства и ограничения данных классов префиксов, ориентируясь на работу [Татевосов 2013].

Левопериферийный дистрибутивный префикс *по-* занимает наиболее левую позицию и находится на максимальном удалении от корня (например, *понавывбрасывать*)¹¹.

Внешние селективно-ограниченные префиксы имеют следующее свойство: «Основа, с которой соединяется СО-префикс, является формально имперфективной» [Татевосов 2013: 49], то есть они присоединяются либо к непроизводной имперфективной основе:

(4)¹² Агафья [на-[вари]^{IPFV}PFV-ла картошки, принесла из погреба туесок сметаны и позвала мужиков к столу [Г. Марков. Строговы (1936—1948)],

либо к производной — поверх суффикса вторичной имперфективации:

(5) — Черт бы их побрал, [на-[откр]^{PFV}-ыва]^{IPFV}PFV-ли детских садов целый город, а мебели не дают [А. Макаренко. Педагогическая поэма (1934)].

В том, что требование присоединения СО-префикса к имперфективной основе верно, можно убедиться, изъяв, например, суффикс имперфективации, после чего форма становится неграмматичной, ср.:

(6) *— [На-[откры]^{PFV}PFV-ли детских садов целый город, а мебели не дают.

Позиционно-ограниченные префиксы подчинены другим ограничениям: в отличие от СО-префиксов они не обязательно присоединяются к формально-имперфективной основе, см. (7)

- (7) ПО-префиксы в комбинации с основами разных видов:
- [пере-[писа]^{IPFV}PFV-ть [пере-[на-[писа]^{IPFV}PFV]PFV-ть
  - [до-[чита]^{IPFV}PFV-ть [до-[про-[чита]^{IPFV}PFV]PFV-ть
  - [под-[тая]^{IPFV}PFV-ть [под-[рас-[тая]^{IPFV}PFV]PFV-ть,

¹¹ Именно левопериферийный префикс *по-* с дистрибутивным значением в первую очередь представляет 3-ю ступень отглагольной деривации С. Карцевского (см. сноску 1); во вторую — СО-префиксы (см. ниже). Однако в рамках алгоритма Карцевского имеется и 4-я ступень деривации, не встроенная, отметим, в общую схему, однако упоминание о ней имеется. Ср.: «Если бы мы хотели образовать 4-ю ступень, в нашем распоряжении оказался бы лишь один способ деривации, а именно приставки, так как запас суффиксов уже исчерпан. Однако, если мы даже нагромоздим друг на друга до трех приставок (*по-на-вы-думывать*), глагол, образованный таким путем, обнаруживая новый оттенок значения, останется совершенным, уподобляясь в отношении вида приставочным глаголам 1-й или 3-й ступени» [Карцевский (1927) 1962: 222].

¹² (4), (5) и (6) взяты из [Татевосов 2013: 50—51], где они обозначены как (30а), (31а) и (33а) соответственно.

«однако отличаются чувствительностью к положению в иерархической структуре основы <...> [в ней. — Е. Г.] ПО-префикс располагается не выше показателя вторичного имперфектива *-ыва-*» [Татевосов 2013: 52], предполагая следующую структуру:

- (8) [*-ыва-* [позиционно-ограниченный префикс [...]]^{PFV}]^{IPFV} 13.

Это положение проверяется путем анализа темпорального значения личных форм глаголов соответствующего состава: они оказываются презентными, что говорит о более позднем присоединении суффикса имперфективации по отношению к ПО-префиксу, ср. (9)¹⁴:

- (9) Сейчас занимаюсь тем, что [[*пере-*[*запис-*]^{PFV}]-*ыва*]^{IPFV}-ю начисто партии бас-гитары — обычно в начале я пишу «черновой» бас, а потом делаю настоящую партию с учетом всех [metalism.borda.ru].

Теперь у нас имеется достаточно информации, чтобы рассмотреть введенную в [Татевосов 2013] позднюю имперфективацию — ту, которая (в соответствии с данным выше определением) применяется к основе, в составе которой уже имеется хотя бы один внешний префикс.

В случае наличия в основе ПО-префикса поздняя имперфективация возможна, поскольку соблюдено ограничение о недопущении введения суффикса вторичной имперфективации ранее самого ПО-префикса. (Напомним, что сам ПО-префикс может присоединяться к следующим видам основ: к непроизводной имперфективной основе: *пере-писать*; к непроизводной перфективной основе: *до-дать*; к перфективной основе с лексическим префиксом: *пере-записать*; к перфективной основе с другим ПО-префиксом: *до-пере-читать*, *пере-до-писать*, *пере-до-за-писать*; к перфективной основе с СО-префиксом: *до-на-брать*, *под-на-ловить* [Татевосов 2013: 55—58].) То есть после вхождения в основу ПО-префикса становится возможной вторичная имперфективация. В этом легко убедиться, образовав вторичные имперфективы от всех упомянутых выше глаголов: *переписывать*, *додавать*, *перезаписывать*, *доперечитывать*, *передописывать*, *передозаправлять*, *донабирать*, *подналавливать* (корпусные примеры, подтверждающие реальность всех приведенных глаголов см. в [Там же]).

Что же касается СО-префикса, то он, подчиняясь ограничению на присоединение исключительно к формально имперфективной основе, может быть присоединен либо непосредственно к непроизводной имперфективной основе, либо к перфективной префигированной основе, в которую на следующем шаге (после присоединения первого префикса, но до присоединения СО-префикса) был введен суффикс вторичной имперфективации. Так образуется, в частности, глагол [*на-*[[*от-кры-*]^{PFV}]-*ва*]^{IPFV}]-*ть* (см. [Там же: 60—61]). Ниже Татевосов вводит так называемое требование раннего присоединения СО-префиксов: «Если СО-префикс участвует в деривации, он должен быть присоединен немедленно, как только для этого создались условия» [Там же: 63].

Следующий этап на пути глагольной деривации — это вопрос о возможности или невозможности третичной имперфективации, т. е. имперфективации основ типа *наоткрыва-*, в которых СО-префикс был присоединен после суффикса (вторичной) имперфективации, см. (10)¹⁵.

- (10) Был, кстати, чувак, который у ся в замке [*на-*[[*откры-*]^{PFV}]-*ва*]^{IPFV}]-л уйму законов физики и математики, но не делился ими с окружающими [www.ostrovgrad.info].

При реализации еще одного этапа имперфективации (на этот раз — третичной, потому что вторичная поздняя имперфективация уже имела место, позволив ввести после своей реализации СО-префикс) ожидается форма, представленная в (11)¹⁶, но она оказывается неграмматичной:

¹³ (7) и (8) из [Татевосов 2013: 52], где они обозначены как (35) и (37) соответственно.

¹⁴ Пример (9) — [Татевосов 2013: 52], где он имеет обозначение (38b). Более детально аргументация (подкрепленная большим количеством языковых иллюстраций) изложена в цитируемой работе.

¹⁵ Пример под номером (79a) из [Татевосов 2013: 64]. Там же см. аналогичные примеры.

¹⁶ Номер (80a) из [Там же: 64].

(11) *[[на-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}PFV-ыва]^{IPFV}-ть.

Отмечая несводимость запрета на применение имперфективирующей суффиксации в третий раз к ограничениям семантической природы¹⁷, С. Г. Татевосов делает вывод о том, что в отношении третичной имперфективации существует некий морфосинтаксический запрет: «Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Татевосов 2013: 65]. Приведем также резюмирующую формулировку автора по поводу поздней имперфективации: «Среди внешних префиксов вторичную имперфективацию всегда допускают позиционно-ограниченные, а также селективно-ограниченные, если они присоединяются к непроемкой имперфективной основе. Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Там же: 73].

С моей точки зрения, запрет на третичную имперфективацию, чем бы он ни был обусловлен, ставит правую границу, закрывая окно возможностей, для того механизма, который имперфективирует уже (единожды или более чем один раз) префигурированную глагольную основу. Немаловажно, что вторичная имперфективация реализуется при помощи единственного продуктивного в настоящий момент маркера, суффикса *-(ы/и)ва-*. Значимо и то обстоятельство, что данный механизм не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также равно применим и к соотношенным с внутренним пределом гетерогенным трансформативам (в терминах [Mehlig 1994], например, *прочитывать*, *развязывать* и т. п.), и к гомогенным нетрансформативам, например, *просиживать* или *простаивать*, которые «не имеют значения процесса» [Ibid.: 604]. Соответствующей левой границей, то есть той точкой, начиная с которой механизм суффиксальной имперфективации становится возможен, является присоединение лексического (внутреннего) префикса¹⁸. В этом окне и действует грамматическое словоизменение русского глагола, соотносимое с аспектуальной семантической зоной.

¹⁷ «Этот (третичный. — Е. Г.) имперфектив, вероятно, не имел бы актуально-длительного значения, но вполне мог бы иметь хабитуальное — ‘систематически осуществлять ситуацию ‘наоткрывать много дверей’’. Именно такое значение обычно выражают имперфективы от кумулятивов типа *наваривать варенья*, *надаривать подарков* и т. п.» [Там же: 64]. Напомним, что С. Карцевский полагал, что ступень, следующая за обозначенной им как 3-я ступень «видовой деривации» (с результатом *повыталькивать*), не может быть имперфективацией по причине, с семантикой никак не связанной: «запас суффиксов уже исчерпан» (см. цитату в сноске 12 выше). В общем, ход мысли Карцевского подводит к тому же: третичная имперфективация невозможна.

¹⁸ Напомним, что речь идет о вторичной имперфективации; присоединение того же суффиксального показателя к непрефигурированной (исходной) основе НСВ является, по нашим предположениям, семантически отличным процессом (суффиксальная имперфективация исходных основ СВ типа *дать* → *давать*, *обмануть* → *обманывать*, *арестовать* → *арестовывать* — в последнем случае личные формы в имперфективной интерпретации в последние десятилетия практически уже невозможны — здесь не рассматривается). В рамках аспектологической концепции В. А. Плунгяна для деривации типа *ходить* → *хаживать*, *носить* → *нашивать*, *читать* → *читывать* наиболее подходит описание путем обращения к одной из граммем вторичного аспекта — хабитуалиса. Для этой граммемы характерен показатель, «предполагающий стативизацию динамических ситуаций: процесс или событие рассматриваются как (постоянное) свойство, приписанное субъекту или объекту ситуации» [Плунгян 2011: 398]. Возможно, этот показатель по своей семантике ближе к одной из разновидностей хабитуалиса — узитативу с семантикой ‘иметь обыкновение [постоянно] V’ [Там же: 399]. В соответствии с [Татевосов 2013: 65—72] имперфективация в случаях типа *ходить* → *хаживать* семантически не равна «обычной» суффиксальной имперфективации префигурированного глагола и может быть охарактеризована как итеративизация, т. е. переход к сумме ситуаций, обозначенных исходной основой, чередующихся с их отсутствием, что совмещается с довольно протяженным временным интервалом реализации этой суммы ситуаций, который не укладывается в единый раунд наблюдения, из чего вытекает невозможность реализации актуально-длительного значения [Там же: 69].

3. Вторичная имперфективация в диахронии

В данном разделе в центре внимания будет вторичная имперфективация — 2-я ступень (от)глагольной деривации по Карцевскому¹⁹. То есть та ступень, которая порождает «грамматические видовые пары, отражающие операцию развертывания во времени предварительно перфективированного процесса» [Карцевский (1927) 1962: 227] — видовые пары, относительно которых «[м]ожно безоговорочно утверждать, что оба члена глагольной пары представляют собой грамматические формы одного глагола-лексемы», как писал в 1960-е гг. А. В. Исаченко [Исаченко 2003: 176].

Четверть века спустя о роли и семантике механизма (вторичной) имперфективации пишет А. Барентсен: «Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно — наличие представления о некоторой “единице”, определяющей рамки действия. Суть этой “единицы” определяется семантикой данного глагола» (перевод наш. — Е. Г.) [Barentsen 1985: 431]. Проходит еще почти три десятилетия и сходное суждение о месте вторичного имперфектива по отношению к исходному имперфективу в связи с проблемой видовых троек находим у Х. Томмола: «Как только появляется вторичный имперфектив, исчезает потребность обсуждать вопрос, является ли исходный глагол видовым партнером приставочного перфектива. Исходный глагол НСВ тогда оказывается просто исходным глаголом, лишенным обязанности компенсировать видовую дефектность приставочного глагола» [Томмола 2008: 223].

Приведем еще две цитаты, в первой из которых, на мой взгляд, системообразующая роль вторичной имперфективации в русском языке несколько недооценена, но есть указание на ее расширение «в последние 200—300 лет», в то время как во второй, напротив, отмечается системная значимость данного явления при его скорее диахронически равновесном положении.

[П]риимером словоклассифицирующей категории является, по всей видимости, русский вид <...> Впрочем, справедливости ради следует признать, что отношения между элементами пар типа *оплакать* ~ *оплакивать* вполне могут считаться парадигматическими (т. е. словоизменительными); однако в русской глагольной лексике доминирующими они пока не являются (хотя в течение последних 200—300 лет наблюдается существенный рост таких пар) [Плунгян 2000: 125—126].

[Н]аличие имперфективного коррелята у любого глагола сов. вида — это чисто системное требование, и для его реализации имеется универсальное морфологическое средство: суффикс *-ыва-/-ива-*: так возникают глаголы типа *зablуживаться*, *встрепенывался*; они появляются, уходят и снова появляются, вспомним гоголевские формы типа *помарицивался* или *постораниваются* [Зализняк, Микаэлян 2012: 58].

Итак, по поводу места вторичной имперфективации и результирующей формы (вторичного имперфектива — НСВ₂) в русском видообразовании имеются различные суждения. При наличии согласия по некоторым вопросам (не ставится под сомнение ни словоизменительный характер этого процесса, ни его отнесенность к аспектуальной семантической зоне) отсутствует единство мнений по поводу центральности или периферийности данного (суффиксального) способа видообразования. По крайней мере отчасти это различие

¹⁹ Под вторичной имперфективацией понимается суффиксальное (с участием *-(и/ы)ва-*, *-а-*) образование имперфективной формы от префигированной перфективной, например: *переписать* → *переписывать*, *открыть* → *открывать*, *снять* → *снимать*. Выбор одного из двух суффиксов мы будем считать, вслед за С. Г. Татевосовым, «словарным свойством основы» [Татевосов 2013: 65]. Возможной вариативности при выборе того или другого показателя (типа *затоплять* — *затопливать*, *проясняться* — *проясниваться*) посвящено исследование [Поле 1993].

в оценках может быть обусловлено отсутствием диахронического описания вторичной имперфективации на объемном языковом материале. Именно этим обусловлена постановка задачи, решаемой в данном разделе: представление результатов корпусного исследования, направленного на восполнение этого пробела. При этом немаловажным представляется освещение проблемы направленности развития вторичной имперфективации: происходит в настоящий момент ее расширение, сворачивание или же имеет место относительная стабильность? Ниже предлагается обсуждение результатов диахронического корпусного исследования (на материале НКРЯ), направленного на выяснение этого вопроса.

3.1. Методика корпусного исследования

На базе НКРЯ были созданы три пользовательских подкорпуса со следующими интервалами дат рождения авторов текстов: 1) 1701—1750 гг.; 2) 1850—1901 гг. и 3) после 1950 г. В каждом заданном подкорпусе вводился одинаковый запрос: глагол НСВ с суффиксом имперфективации и наличием приставки за вычетом причастных и деепричастных форм (последнее было обусловлено необходимостью сделать реальной сплошную ручную обработку полученного материала, позже пробел был восполнен).

Следующим этапом стало создание базы данных: из полученных выдач были выписаны все леммы и помещены в таблицу в формате Excel (глаголы с показателем *-ся* в качестве отдельных лемм не рассматривались). Фрагмент этой базы данных приведен в таблице 1, где иллюстрируются все выявленные типы соотношений по представленности леммы в одном или более чем одном подкорпусах.

Таблица 1

Фрагмент базы данных вторичных имперфективов
в НКРЯ с разбивкой по трем подкорпусам

	1850—1901 гг.	с 1950 г.		1701—1750 гг.		
1.	<i>выгранивать</i>	1				
2.	<i>вытаращивать</i>	1	<i>вытаращиваться</i>	1		
3.	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать</i>	1
4.	<i>вытверживать</i>	1			<i>вытверживать</i>	1
5.					<i>написывать</i>	1
6.			<i>разбуживать</i>	1		
7.			<i>сцеживать</i>	1	<i>сцеживать</i>	1

Далее был реализован следующий этап работы по формированию базы данных: индивидуальная (с отдельным запросом) проверка наличия каждой леммы, встретившейся хотя бы в одном подкорпусе, в двух других подкорпусах (запросы вводились дважды: без *-ся* и с *-ся*). В результате база данных существенно пополнилась: за счет того, что на этот раз в выдачу попали (ранее исключаемые запросом) причастия и деепричастия, а также вследствие устранения некоторых технических особенностей выдачи материала в НКРЯ, которые проявляются при объемных выдачах в результате обращения к лексико-грамматическому поиску.

Созданная таким образом база данных содержит 1 647 строк (из них 786 являются «двойными»), включая в себя глагол с наличием и с отсутствием показателя *-ся*, то есть всего 2 433 различающихся планом выражения глагола с обязательным наличием префикса и суффикса имперфективации.

В базе данных представлены следующие префиксы: *в-, воз/вз/вос-, вы-, до-, за-, из/ис-, на-, над-, недо-, о/об/обо-, от-, пере-, по-, под-, пред-, пре-, при-, про-, раз(о)/рас-, с-, у-* — всего 21 префикс (при раздельном рассмотрении *о/об-* и *об/обо-* 22 префикса). Напомним, что этот список получился при обработке выдач НКРЯ на запрос, в который было включено

требование наличия приставки. Таким образом, полученный перечень префиксов обусловлен принятой в НКРЯ морфологической разметкой.

Приведем некоторые иллюстрации (здесь и далее все примеры с указанием авторства имеют своим источником НКРЯ):

- (12) Первый мой спутник — отец; его бы я определил, как даже не выпуклого, а протопыренного углами, действующими на воображение; он напал правилами, словами, стремясь меня выграничить; не **выгранивал**, откалывал от сознания негранимые части [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)].
- (13) Подружки, желая угодить ей, **вытверживают** и сию песню и вместе с Линою плачут [Н. И. Новиков. Пословицы российские (1782)].
- (14) «Закатилось мое солнце ясное», — повторяло и **вытверживало** что-то внутри его [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)].
- (15) Пролетая, они стегали вагон плетками — и секли по спящим слепым его оконцам, как по глазам, что дико было Матюшину понимать, видеть, но никого они все же не **разбуживали** [О. Павлов. Дело Матюшина (1996)].
- (16) На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли своя в мысли ея, примечая пропорцию, **написывая** и подражая натуре [Г. Сковорода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира (1760—1775)].
- (17) Впрочем, людям, привычным к канцелярскому строчению, подобная работа ничего не значила: они в один присест **написывали** по решению и были довольны тем, что отдали его в присутствии, а там цензируй кто хочешь, потому что как ни сочиняй, как ни старайся отличиться, — а все без помарок не обойдется [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)].
- (18) На оставшуюся землю наливают снова еще воды, дают стоять столь же долго и потом опять **сцеживают** [М. В. Ломоносов. О варении селитры (перевод) (1741)].
- (19) Пора было **сцеживать** молоко для младшего и варить суп для старшего [А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)].

3.2. Наблюдения над материалом корпусного исследования

В первую очередь обращает на себя внимание распределение глаголов по трем подкорпусам. Имеются следующие случаи: наличие глагола НСВ₂ в одном из подкорпусов (так называемые «одиночки»), во всех трех подкорпусах или в двух из них (в различных комбинациях). Эти данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение глаголов по трем подкорпусам

Единичная представленность — «одиночки»			три корпуса	два корпуса: (1)—(2)	два корпуса: (1)—(3)	два корпуса: (2)—(3)	Σ
1701—1750 (1)	1850—1901 (2)	1950—... (3)					
5	92	22	600	23	2	903	1647
Всего: 119							
%	7,23		36,43	1,39	0,12	54,83	100

Наблюдаемая картина сводится к следующему:

- а. «Одиночки» имеются в каждом из 3-х подкорпусов.
- б. Более трети всех случаев (36%) приходится на наличие вторичных имперфективов во всех трех корпусах.
- с. Еще бóльшую долю (почти 55%) составляют глаголы, обнаруженные в двух «поздних» подкорпусах: 1850—1901 гг. и с 1950 г.

d. Пренебрежимо малы доли одновременной представленности глаголов в двух «ранних» подкорпусах (1,39%) и в диахронически противопоставленных подкорпусах (0,12%).

Однако относиться к полученным цифрам нужно с осторожностью, поскольку стремление получить полную выборку вторичных имперфективов по трем подкорпусам вступило в конфликт с требованием сбалансированности их объемов. Сравнение объемов подкорпусов (в предложениях и в словах) и количества обнаруженных в каждом из них «одиночек» представлено в таблице 3.

Таблица 3

Сравнение объемов подкорпусов и количества одиночных глаголов

Подкорпус	Объем в предложениях	Объем в словах	«Одиночки»	Сравнение объемов (в словах)	Сравнение кол-ва «одиночек»
1701—1750	135 056	2 320 926	5 из 628 (0,80%)	в 23 раза меньше	в 7 раз меньше
1850—1901	4 608 763	54 309 944	92 из 1616 (5,69%)	основание для сравнения	
> 1950	1 786 468	18 459 176	22 из 1519 (1,45%)	в 3 раза меньше	в 4 раза меньше

Рисунок 1 (см. ниже) демонстрирует построенный НКРЯ график распределения по годам (с частотой на миллион словоформ) вторичных имперфективов по основному корпусу (без деления на подкорпусы). Как можно видеть, прямолинейной тенденции к росту или снижению употребления вторичных имперфективов в рассматриваемый период — с 1800 г. по настоящее время — не наблюдается, хотя заметны периоды как увеличения употребительности этих форм (с пиками в 1802 г. с 4 677 на миллион, в 1825 г. с 3 785, в 1863 г. с 4 310, в 1884 г. с 4 239, в 1937 г. с 4 410 и в 2009 г. с 4 919), так и снижения (с провалами в 1817 г. с 2 810 на миллион, в 1835 г. с 2 804, в 1872 г. с 3 591, в 1898 г. с 3 429, в 1958 г. с 3 047, в 1995 г. с 3 603²⁰).

Годы от 1800 до 2013 со сглаживанием 3 построить

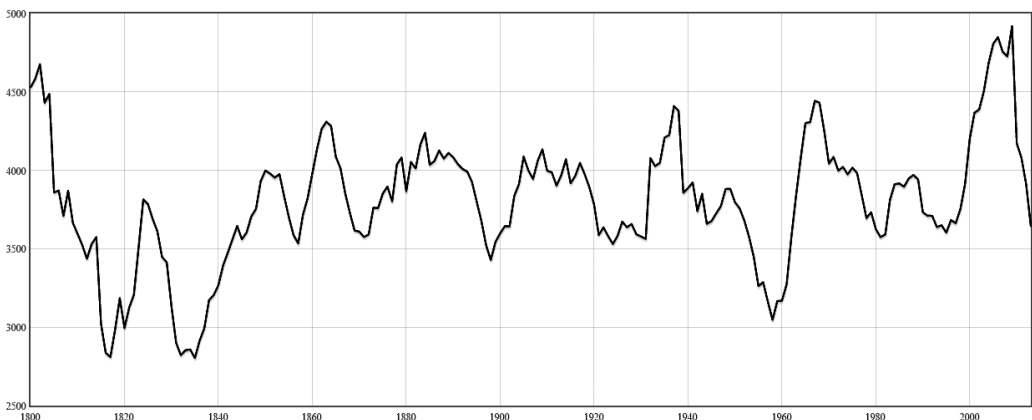

Рис. 1. Основной корпус НКРЯ: распределение по годам (частота на миллион словоформ; запрос: V,ipf, (d:pref | d:impf)

²⁰ Цифры приводятся по построенному НКРЯ графику: они появляются при наведении курсора на соответствующие точки на графике. Повторив запрос V,ipf, (d:pref | d:impf) и запросив статистику, читатель самостоятельно сможет в этом убедиться.

3.3. Некоторые выводы

Если обратиться к полученным данным (см. таблицу 2 выше), то можно отметить, что большей частью вторичные имперфективы обнаруживают диахроническую стабильность: 36 % соответствий по всем трем подкорпусам, а также 55 % соответствий по двум «поздним» подкорпусам. Специфичность данных по раннему подкорпусу (1701—1750 гг.) может быть обусловлена существенно (в 23 раза) меньшим объемом этого подкорпуса по сравнению с самым объемным подкорпусом (1850—1901 гг.).

Одиночная представленность НСВ₂ отмечена по всем трем подкорпусам в следующих количествах:

- i. 1701—1750 — 5 единиц: *намерять(ся)*, *написывать*, *насевать*, *расслабевать*, *ухаживать* (в значении ‘неоднократно ухаживать’²¹), ср.:
- (20) *и [я] действительно всегда, когда мне только было можно, ухаживал к нему, и там с лучшим удовольствием провождал время, нежели в передней генеральской, где мы обыкновенно сиживали* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Письма 91—96 (1800)];
- ii. 1850—1901 — 92 единицы:
впаивать, *втачивать*, *взбудораживать*, *вспрыскивать*, *выгранивать*, *выдаивать*, *выкликать*, *вымеривать*, *выпахивать*, *выхлопывать*, *выщелачивать(ся)*, *добриваться*, *допахивать*, *досаживать*, *заблачиваться*, *заподозривать*, *застопоривать*, *застраховывать*, *застрачивать*, *защуривать*, *избаловывать*, *извертываться*, *наганивать*, *наготовлять*, *наколачивать*, *насасывать*, *насказывать*, *настукивать*, *натруживаться*, *обездолывать*, *обездушивать*, *огреть*, *огрубевать*, *озаглавливать*, *околпачивать*, *опораживаться*, *опрастывать(ся)*, *остругивать*, *отуманивать(ся)*, *ощеряться*, *обглядывать*, *обкармливать*, *обомлевать*, *обскакивать*, *обстраиваться*, *обсуживать*, *отвертывать*, *отжаривать*, *отпугивать*, *отсевать(ся)*, *отслуживать*, *отхаживать*, *перевинчивать*, *переглаживать*, *перегнивать*, *перезакладывать*, *перерезывать(ся)*, *пересушивать*, *перечеканивать*, *повевать*, *похварывать*, *подбочениваться*, *подзубривать*, *подслуживаться*, *пригорюниваться*, *прихочивать(ся)*, *припаздывать*, *припаивать(ся)*, *припаривать*, *припутывать*, *прискучивать*, *пристра-*

²¹ Глагол *ухаживать*, образованный (на 2-й ступени деривации) от исходного глагола ненаправленного движения *ходить*, демонстрирует особую модель деривации. Данная модель характерна для всех глаголов ненаправленного движения. Всего таких случаев в нашей базе данных пять, из них четыре — дериваты от *ходить*: *ходить*^{IMP} → *заходить*^{IMP} → *захаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *обходить(ся)*^{IMP} → *обхаживать(ся)*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *отходить*^{IMP} → *отхаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *уходить*^{IMP} → *ухаживать*^{IMP}; *носить*^{IMP} → *выносить*^{IMP} → *вынашивать*^{IMP}. Впрочем, имеется и еще один внешне похожий случай: *читать*^{IMP} → *причитать*^{IMP} → *причитывать*^{IMP}. Основным отличием от ситуации с глаголами ненаправленного движения является непринадлежность гипотетически исходного глагола *читать* к данной группе. Это обстоятельство побуждает предположить наличие еще одного пути глагольной деривации с промежуточным этапом *причесть*^{PRF} в следующей цепочке: *честь*^{IMP} → *причесть*^{PRF} → *причитывать*^{IMP}. Иллюстрация для *честь*^{IMP}:

Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиам не разбирали, но чли бы оныя в самой библиотечной канторе [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)].

В [Ушаков] в словарной статье ПРИЧЕСТЬ 1-е значение толкуется так: «(несовер. *причитывать*). То же, что *присчитать* (прост.)». В выдаче НКРЯ имеется один контекст с *причитывать*, который позволяет проиллюстрировать трактовку словаря Ушакова:

Я остался при покойнике и прорыдал всю ночь; дьячки читали однообразным, глухим полуголосом, <...> Настасья Ивановна всю ночь пролежала на полу ничком, вопила и выла, припоминая и причитывая все добро, которое видела от супруга своего [В. И. Даль. Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей (1843)].

живать, прогадывать, прокучивать(ся), простуживать(ся), прояснивать(ся), разбаливаться, развьючивать, раззолачивать, разрознивать, раскорячивать(ся), растеривать(ся), расхватывать(ся), расшивать(ся), скапывать, скацивать, скучивать(ся), слаживать(ся), ссовывать(ся), ссучивать, укручивать, учитывать;

iii. после 1950 — 22 единицы:

выгуливать, вбухивать, дополаскивать, задалбливать, замерять, зашвыривать, наворовывать, наглаживать, наработывать, натачивать, наторговывать, окольцовывать, обстирывать, отстирывать(ся), передавать, пересевать, переупаковывать, перешагивать, подглаживать, разбазаривать, разбуживать, рассуживать

Первый вывод, который можно сделать, сводится к тому, что вторичная имперфективация присутствует как (относительно) постоянное явление на всем охваченном НКРЯ временном отрезке — XVIII—XXI вв. При этом степень узуальности (и конвенциональности) отдельных префиксально-суффиксальных форм НСВ на протяжении всего этого периода варьирует: от частотных и полностью конвенциональных (присутствуют во всех трех подкорпусах) через меньшую представленность (в двух корпусах) до одиночной (в одном корпусе). В последнем случае, как представляется, и может идти речь о неконвенциональности соответствующей формы.

Следовательно, мы вправе констатировать, что вторичная имперфективация является основным способом русского видообразования. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, минимальным воздействием суффиксальной имперфективации на лексическую семантику и синтаксис основы СВ, к которой она применяется: речь идет о воздействии чисто аспектуальном (имперфективирующем), т. е. грамматическом²². Во-вторых, достаточно высокой степенью регулярности вторичной имперфективации, о чем также свидетельствуют уже упомянутые выше данные корпусного исследования Лоры Янды: от 37% (НКРЯ) до 77% (Google) всех естественных перфективов образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda et al. 2013: 169—171]. Сопоставлению характерной для НСВ₁ и НСВ₂ семантики будет посвящен раздел 4.

Здесь же будет обсужден еще один не лишенный интереса вопрос, который вытекает из созданной базы данных: обязательно ли нужен префигированный СВ для образования НСВ₂? (Деривации от исходного НСВ-глагола ненаправленного движения типа *заходит*^{IMP} → *захаживать*^{IMP} здесь не учитываются, см. сноску 21.)

Попробуем ответить на этот вопрос на основе анализа данных по подкорпусу 1701—1750 гг., включающему 628 лемм, в котором выявлены следующие соотношения:

- a) есть НСВ₂ — есть СВ: *вытверживать* — *вытвердить* — 90% (562 из 628),
- b) есть НСВ₂ — нет СВ: *растравливать* — Ø — 10% (66 из 628).

Если выйти за пределы названного подкорпуса и посмотреть на него с учетом данных двух других подкорпусов, то прибавятся еще две возможности:

- c) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) — есть СВ (в других подкорпусах): Ø — *доиграть* (37% от суммарного количества лемм в двух других подкорпусах, 379 из 1019),
- d) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) — нет СВ (в других подкорпусах): Ø — Ø (63% — 640 из 1019).

(Всего на 628 форм НСВ₂ в подкорпусе 1701—1750 гг. приходится 941 форма СВ, найденная при проверке на наличие производящей префигированной основы СВ для суммарного перечня НСВ₂ всех трех подкорпусов. Эта цифра в 1,5 раза превышает количество НСВ₂

²² Ср. с созвучным мнением С. Карцевского: «Операция развертывания во времени является операцией грамматической. Были бы напрасными поиски в явлении имперфективации какого-то семантического понятия, играющего роль, подобную той, которую при перфективации играет понятие результата» [Карцевский (1927) 1962: 228].

в данном подкорпусе и составляет 57 % от общего количества НСВ₂ по трем подкорпусам, включающим 1647 единиц.)

Думается, что полученные данные позволяют дать ответ на поставленный выше вопрос: в рамках созданной базы данных префигурованный СВ не является строго обязательным для образования НСВ₂. Этому факту можно дать по крайней мере два объяснения, см. (21) и (22).

- (21) Производящий для НСВ₂ глагол СВ случайным образом не попал в базу данных, созданную на основе трех указанных подкорпусов НКРЯ; соответственно, данный факт не служит доказательством отсутствия в языке данного периода соответствующей формы.
- (22) Для образования НСВ₂ используется продуктивная модель: префикс + основа НСВ₁ (с возможными морфонологическими изменениями) + суффикс имперфективации; при этом этап СВ может отсутствовать, то есть мы имеем редуцированную (с пропуском одного этапа) деривацию *травить* → *растравливать* вместо полной деривации *травить* → *растравить* → *растравливать* (аналогия: *обстоять* → *обстоятельство*, минуя *обстоятель, ср. полную деривацию: *предать* → *предатель* → *предательство*).

На данный момент оба объяснения имеют характер гипотезы; кроме того, они совместимы, поскольку относительно части зафиксированных случаев типа b) «есть НСВ₂ — нет СВ» может быть верно одно объяснение, а относительно другой части — альтернативное.

Итак, наше корпусное диахроническое исследование показало, что вторичная имперфективация на протяжении охваченного НКРЯ временного периода является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением. Явного тренда по увеличению или снижению образования НСВ₂ не прослеживается. С другой стороны, по-видимому, не существует и ограничений на образование вторичного имперфектива от одиножды префигурованного перфектива (относительно ограничения на третичную имперфективацию в случае множественной префиксации см. в разделе 2). Гипотетически существует также возможность вторичной имперфективации напрямую от исходной имперфективной основы, минуя промежуточный этап префиксальной перфективации.

4. О семантике и акциональности первичных и вторичных имперфективов

В этом разделе будет осуществлена попытка разобраться с одним из самых интересных для русской аспектологии вопросов, одновременно являющихся аргументом и в пользу наличия специфики «славянской модели вида», и против серьезного отношения к вторичной имперфективации как к единственному специализированному морфологическому актуальному механизму, который при этом имеет безусловно словоизменяемый характер. Тема, о которой идет речь, многогранна: ее можно рассматривать как вопрос о (почти полной) функциональной идентичности первичного и вторичного имперфектива, что позволяет рассматривать столь различные по своей морфологической структуре формы — НСВ₁ и НСВ₂ — как принадлежащие к одной и той же имперфективной граммеме (имеется в виду общая сочетаемость с фазовыми глаголами: *начать писать*, *начать записывать*, но не *начать записать; общая способность образовать аналитическое будущее: *буду писать*, *буду записывать*, но не **буду записать*²³; практически идентичное функционирование в императиве (собственно императив и прохибитив при отрицании); набор доступных частных значений, впрочем, именно здесь наблюдается далеко не полное соответствие, причем основное различие проходит по способности / неспособности реализовать

²³ Конструкции типа *будем посмотреть*, которые в последние годы довольно часто можно услышать в разговорной речи, не выходят (пока что) за рамки языковой игры; конкретно данное выражение являет собой, по всей видимости, новый фразеологизм со значением ‘Увидим, что из этого выйдет, разберемся, а пока подождем с выводами’ (толкование ресурса «Словарь народной фразеологии», см. <http://folklor.academic.ru/>).

актуально-длительное (по Маслову — конкретно-процессное [Маслов 2004: 99]) значение. Далее, другой стороной рассмотрения этой темы является известная проблема видовых троек: какой имперфектив в ней избыточен. И, наконец, тесно связанный с предыдущим, еще один ракурс рассмотрения — с точки зрения семантических отношений первичного и вторичного имперфектива, которые в рамках видовой тройки являются (квази) синонимичными.

Начнем с более частного, а именно с НСВ₁ и НСВ₂ в составе биимперфективных троек. Обсуждению этого вопроса (с разной степенью подробности) в последнее время уделялось довольно много внимания, упомянем лишь некоторые работы: [Апресян 1995; 1997; Петрухина 2000; 2009; Зализняк, Шмелев 2000; Ясаи 2001; Храковский 2005; 2006; Томмола 2008; Зализняк, Микаэлян 2010; Зализняк и др. 2010; Татевосов 2010; Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Janda et al. 2013; Горбова 2014]. В последней работе было показано, что если формулировать вопрос о видовых тройках в терминах избыточности, то это свойство постоянно присуще именно НСВ₁ — той единице, которая является деривационно исходной и отличается от двух других компонентов тройки более простым семантическим наполнением, не обнаруживая в своем составе префикса. При этом первичный имперфектив обладает особой способностью: в определенных контекстах служить синонимом, заместителем для вторичного имперфектива, играя тем самым роль «джокера» (термин Ю. Д. Апресяна из [Апресян 1995]), «выполняющего чужие функции: ср. *бить (врага)* — *побить* — *побивать*; *бить (Часы бьют)* — *пробить* — *пробивать*; *бить (посуду)* — *разбить* — *разбивать*; *бить (масло)* — *сбить* — *сбивать*» [Там же: 106]). Также следует вспомнить о синтаксическом несходстве НСВ₁ и НСВ₂, отмечаемом, как уже было показано выше, и С. Карцевским, и С. Татевосовым²⁴ (первый писал о сохранении переходности, свойственной приставочному СВ, второй — о постоянстве частотности появления вторичного имперфектива с незаполненной позицией прямого дополнения, равной 0%, из чего вытекает необходимость валентности на это дополнение и ее заполненности, см. сноску 10 выше; последнее, впрочем, кажется несколько категоричным на фоне принципиально одновалентного *пробивать*, а также *пробить* и *бить (о часах)*, см. цитату выше). К неравнообъемности семантического потенциала (в терминологии Ю. Д. Апресяна) НСВ₁ и НСВ₂, сводимой в основном к меньшей способности НСВ₂ к реализации основного процессного значения НСВ — актуально-длительного — мы еще вернемся.

Обратимся еще раз к теории видовых гнезд, в рамках которой также был осуществлен сопоставительный анализ первичного и вторичного имперфектива. Приведем один из выводов обсуждения данного вопроса на материале корпусного исследования: «Выбор между бесприставочным и вторичным имперфективом, по всей видимости, обусловлен значением приставок. Вторичные имперфективы предпочтительны тогда, когда значение приставки мотивирует акцент на результате, желателно произведенном намеренно и/или неоднократно» [Янда 2012: 42]. Таким образом, вторичному имперфективу оказываются свойственны черты события (акцент на результате), волиитивность субъекта ситуации (производит результат намеренно) и/или итеративность (неоднократность) ситуации²⁵. Интересно, однако, что обнаружение и констатация столь существенных семантических различий между НСВ₁ и НСВ₂ не помешали автору концепции остаться приверженцем традиционной идеи о равноправии обоих типов пар: приставочной: *бить (масло)* — *сбить (масло)* и суффиксальной *сбить* — *сбивать (масло)*. Это решение подкреплено сравнением грамматических профилей суффиксальных и префиксальных видовых пар в [Janda, Lyashevskaya 2011]: именно оно служит основанием для приведенного вывода, поскольку авторы исследования не обнаружили существенных различий в грамматических профилях

²⁴ А также В. С. Храковским в [Храковский 2005: 55—57].

²⁵ Склонность к итеративности хорошо объясняет нежелательность реализации актуально-длительного значения, для которого требуется единичность ситуации; впрочем, речь идет не более чем о предпочтительности итеративности, это не строгое требование.

(понимаемых «как частотное распределение словоформ лексемы в корпусе» [Ibid.: 207]) префиксальных и суффиксальных видовых пар («we do not find reportable differences between the grammatical profiles of aspectual partners formed with prefixes as opposed to suffixes» [Ibid.: 213]).

Однако, как представляется, грамматические профили — это не настолько тонкий инструмент, который был бы способен выявить семантико-акциональные различия между первичными имперфективами (они выступают в префиксальных парах, в цитируемой работе — **p-partners**) и вторичными имперфективами (имперфективными членами суффиксальных пар, **s-partners**). Ведь набор темпоральных, залоговых, модальных форм, а также вербоидов у них одинаков (если он и разнится, в частности, по отношению к залогу, то зависит от индивидуальных валентностей особенностей лексем), различие же заключается в наличии или отсутствии двух морфем: префикса, появившегося на этапе приставочной перфективации и внесшего свой лексический и аспектуальный вклад в виде результативности (телисизации), и суффикса имперфективации с диахронически более ранним значением неопределенности и/или итеративности/хабитуальности и позже развившимся значением введения в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации (см. [Маслов 2004: 137]). Следовательно, сходство грамматических профилей **p-partners** и **s-partners**, установленное в [Janda, Lyashevskaya 2011], свидетельствует, по всей видимости, не об аналогичности двух типов пар, а об аналогичности взаимодействия рассмотренных в исследовании граммем настоящего / (простого) будущего, прошедшего и императива (Nonpast, Past, Imper) с акциональными классами состояний и (не)предельных процессов. Поэтому полученный результат, с одной стороны, не является неожиданным, а с другой, не позволяет, на мой взгляд, делать вывод о (полном) равноправии префиксальных и суффиксальных пар и, соответственно, первичных и вторичных имперфективов, которыми эти два типа пар и различаются.

Ниже путем обращения к семантико-акциональному анализу будет предпринята попытка обосновать другое положение:

- (23) Первичный (исходный) имперфектив (*бить, будить*), будучи глаголом немаркированным (в первую очередь — с точки зрения формы) и способным (при необходимости) служить «джокером», (квази)синонимом вторичного имперфектива (*бить* для *сбивать*, *будить* для *разбуживать*), оказывается за пределами регулярного видового словоизменения, осуществляемого в рамках вторичной имперфективации, то есть применения суффикса имперфективации к префигированным формам совершенного вида.

Попробуем подойти к сопоставлению общих особенностей семантики НСВ₁ и НСВ₂ со стороны акциональности, то есть тех общих и специфических семантических особенностей глаголов соответствующих акциональных классов, которые, будучи имплицитными, являются значимыми для категории вида.

Большей частью НСВ₁ являются непредельными процессами²⁶ и состояниями (здесь мы пользуемся терминами В. А. Плунгяна из [Плунгян 2011: 113—115]; в терминах З. Вендлера

²⁶ Предельность в случае НСВ₁ может быть индуцирована контекстом, то есть реализацией пациентного участника при определенных требованиях к нему (в первую очередь, референтности, а также единичности), ср. непредельность в *уметь читать* и нарастание предельности в *читать книги, читать принесенные из библиотеки книги, читать книгу, читать эту книгу*. Вторая возможность для индуцирования соотнесенности с пределом — введение в контекст обстоятельств со значением цели (или границы), что характерно для глаголов (направленного) движения: *бежать по улице* (НП) и *бежать в магазин* (П). В связи с этой вариативностью в работах Ю. С. Маслова более трех десятилетий назад появилось понятие о глаголах «двойственных, с меняющимся значением предельности / непредельности» [Маслов 2004: 315]. В литературе эта тематика известна также как аспектуальная композиция, см., например, [Verkuyl 1972; 1993]. Имеется, однако, и некоторое количество НСВ₁ с лексикографически заданной предельностью: это глаголы с инхоативным суффиксом *-ну-* (*тухнуть, зябнуть, мокнуть, киснуть* и т. п.), а также глаголы, обозначающие процессы

[Vendler 1967] — activities и states)²⁷: (*уметь*) *читать, знать*. И именно эти два акциональных класса являются носителями «естественного» несовершенного значения по С. Карцевскому, ср.: «Понимание любого процесса как развертывающегося во времени, т. е. имеющего длительность, настолько естественно, что несовершенное значение исходных глаголов представляется первичным фактом, чем-то непосредственно данным и не подлежащим объяснению с точки зрения современного языка. Но будучи “естественным”, несовершенное значение исходных глаголов не является подчеркнутым» [Карцевский (1927) 1962: 226]. Позволю себе два комментария к этой цитате. Полагаю, что формулировка Карцевского о естественности несовершенного значения у исходных глаголов соответствует тому, что позже стали называть лексическим видом или, в другой терминологии, (соответствующими) акциональными классами — уже упомянутыми состояниями и (большой частью) непределельными процессами. И именно принадлежностью к акциональным классам состояний и непределельных процессов обеспечивается склонность первичных имперфективов к выражению актуально-длительного значения.

Относительно НСВ₂ можно утверждать другое: им свойственно быть предельными процессами (причем соотносёнными с пределом, подчеркнутым специальным показателем — префиксом²⁸) или моментативами-событиями (по Вендлеру — *accomplishments* и *achievements*): *прочитывать* и *прознавать, приходить*. В первом случае граммема имперфектива вводит в окно наблюдения срединную стадию (то есть имеет семантику прогрессива), в последнем — является оператором итеративизации (или хабитуальности). В первом случае актуально-длительное значение при единичности ситуации возможно, хотя и в разной степени, во втором исключено (*Что там Петя делает? — Конспекты перед экзаменом просматривает* (**прочитывает*); — **Домой приходит*).

Следовательно, (квази)синонимия НСВ₁ и НСВ₂ в биимперфективных тройках

- ✓ естественна и ожидаема в тех случаях, когда НСВ₁ является либо лексикографически предельным глаголом, либо обозначает непределельную ситуацию, которая может быть в контексте легко преобразована в предельную, а НСВ₂ представляет собой соотносённый с пределом процесс: *читать* — *прочитывать* (*статью*), *грузить* — *на(по, за)грузжать* (*дрова, вещи, кузов*);
- ✓ не ожидаема в том случае, когда НСВ₁ является состоянием, а НСВ₂ образован от СВ-моментатива; в таком случае вторичная имперфективизация осуществляет итеративизацию единичной ситуации (этап СВ), причем эта ситуация лексикографически может не быть соотносимой с НСВ₁: *знать*^{НСВ1} → *прознавать*^{СВ} → *прознавать*^{НСВ2}; *идти*^{НСВ1} → *прийти*^{СВ} → *приходить*^{НСВ2}: *знать (историю)* ≠ *прознавать (историю)*, *идти (домой, вдоль улицы)* ≠ *приходить (домой)*.

Система аспектуальных по семантике и деривационно связанных глагольных образований (то есть видовых пар и троек) хорошо представлена в таблице 1 в [Зализняк, Микаэлян 2010], частично воспроизводимой здесь как таблица 4. В соответствии с этой работой, в видовой системе русского языка имеются следующие возможности (иллюстрации в правом столбце были изменены):

перехода из одного состояния в другое: *таять, преть, гореть* и отадъективные глаголы с еще одним инхоативным показателем — суффиксом *-е-*: *светлеть, темнеть, стареть* и т. п. Термин «инхоатив» употреблен в значении, которое, как указывал Ю. С. Маслов, продолжает индоевропеистическую традицию, где он ассоциирован с глаголами, обозначающими «постепенное нарастание признака», ср.: «В славянских языках “инхоативными глаголами” лучше называть глаголы с суффиксами *-н-* и *-ѣ-*: *блекнуть, стареть* и т. д.» [Маслов 1965: 54].

²⁷ О размытости границы между этими двумя акциональными классами в русском языке см. в [Горбова 2009].

²⁸ Давно обсуждаемые в литературе исключения — делимитативный и пердуративный префиксы *по-* и *про-*.

Таблица 4

Система видовых пар и троек

1. Образцовая суффиксальная пара	<i>(писать)</i> — <i>записать</i> <на пленку> — <i>записывать</i>
2. Суффиксальная пара с потенциальным НСВ ₁	<i>(рвать)</i> — <i>вырвать</i> <зуб> — <i>вырывать</i>
3. Образцовая тройка	<i>читать</i> — <i>прочитать</i> — <i>прочитывать</i>
4. Префиксальная пара с потенциальным НСВ ₂	<i>писать</i> — <i>написать</i> — (^{??} <i>написывать</i>)
5. Образцовая префиксальная пара	<i>лгать</i> — <i>солгать</i> — (^{???} <i>солгивать</i>) ²⁹

Имея в виду этот спектр возможных группировок, максимальный состав каждой из которых неизменен — биимперфективная тройка, в которой варьирует лишь степень приемлемости того или иного имперфектива (НСВ₁ или НСВ₂), сформулируем некоторые наблюдения и выводы относительно акциональных свойств обоих типов имперфективов.

- ✓ Выбор между (бесприставочным) первичным и (приставочным) вторичным имперфективом, обусловлен, по всей видимости, не (или не в первую очередь) значением приставок (что утверждается в [Янда 2012: 42]), а акциональными классами НСВ₁ и НСВ₂.
- ✓ Если НСВ₁ обозначает не соотносительный с пределом процесс, а префигурированный НСВ₂ (после введения префикса и результирующей телисизации) является уже предельным процессом, то их (квази)синонимия возникает в силу способности обеих форм НСВ к обозначению срединной стадии ситуации: в событийной структуре и состояний с (не)предельными процессами (НСВ₁), и предельных процессов (НСВ₂) имеется срединная стадия, что и открывает возможность для синонимии при обозначении единичной ситуации, ср.:

(24) — *Чем Маша занимается?* — *Да вот, журнал листает / перелистывает.*

В том случае, если НСВ₂ возникает в результате итеративизации префигурированного СВ-моментатива (*знать*^{НСВ1} → *узнать*^{СВ} → *узнавать*^{НСВ2}), возможность (квази)синонимии появляется лишь в том случае, если (при поддержке контекста) НСВ₁ оказывается способен обозначать множественную ситуацию. Ср. возможность (квази)синонимии в (25):

(25) *Маша, она всегда такой была — все самые свежие новости первой узнавала / знала,*

и неуместность любого имперфектива в (26), где контекстом задается единичное событие:

(26) *Маша и в тот раз сразу же об этом первой узнала / *узнавала / *знала.*

- ✓ НСВ₁ и НСВ₂ в рамках префиксальной и суффиксальной пар (в терминологии [Janda, Lyashevskaya 2011] — **p-partners** и **s-partners**) играют различную роль в русском видообразовании: в первом случае НСВ₁ является исходным глаголом, к которому на этапе приставочной перфективации применяется телисизация (посредством присоединения префикса), сопровождаемая, как правило, переходом в другой акциональный класс; а во втором — при суффиксальной деривации имеет место либо непосредственно имперфективация (введение в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации), либо итеративизация моментальных ситуаций.

Таким образом, при деривации СВ → НСВ₂ регулярность морфологическая (один либо два суффиксальных показателя: *-а-* и *-(у/ы)ва-*, в зависимости от рассмотрения этих морфов

²⁹ Однако в [Даль] присутствует словарная статья с заголовочным глаголом *слыгать*: «СЛЫГАТЬ и солгать, **солгать** что, соврать, сказать ложь, неправду, противное истине» и иллюстрациями, среди которых находим: *Случается, что и слыгает мальчик; Мало ли слыгается, солжется.*

как вариантов одной морфемы или разных морфем, но при несомненной продуктивности именно второго) сопровождается регулярностью грамматико-семантической, поскольку имеет место всего два семантических эффекта. При воздействии на префигурованный СВ-глагол (от множественной префиксации мы пока отвлекаемся) с акциональными свойствами предельного процесса и в случае его референции к единичной ситуации имеет место реализация собственно аспектуального значения имперфективации (если точнее, то «прогрессивизации» или «дуративизации»³⁰) — введение в окно наблюдения срединной фазы разворачивающейся ситуации: *вывернуть (свитер) — выворачивать (свитер)*. При применении того же суффиксального механизма к СВ-глаголу с акциональными свойствами моментального события происходит итеративизация ситуации: *выстрелить (из ружья) — (неоднократно) выстреливать (из ружья)*.

Несомненно, эти два семантических эффекта — имперфективация в смысле введения в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации и имперфективация в смысле итеративизации — существенно различны, что явным образом отражается, например, в том, что в рамках аспектологической концепции В. А. Плуногья первое явление относится к явлениям первичного аспекта, а второе — ко вторичному аспекту [Плуногья 2011а: 382—402]. В связи с этим можно отметить два обстоятельства.

Первое имеет отношение к истории суффиксального показателя имперфективации, первоначальной функцией которого являлось обозначение именно итеративизации и/или неопределенности (см. работу [Maslov 1959; Маслов 2004: 131—140] и библиографию в ней). В наибольшей степени свои первоначальные функции суффиксы имперфективации сохранили при присоединении к непрефигурованным исходным основам непредельных глаголов: *носить — нашивать, сидеть — сиживать, есть — edать* и т. п. Второе, на что хотелось бы обратить внимание: в этих двух столь различных эффектах имперфективации, реализуемой посредством одного показателя, явственное различие в результате обуславливается очень значительным различием в той акциональной «базе», к которой данный грамматический процесс прилагается. (Вторичная) имперфективация с семантическим эффектом прогрессива (или, возможно, дуратива) взаимодействует с акциональными классами состояний и процессов (их (не)соотнесенность с пределом в данном случае не важна). Та же (по формальной модели) имперфективация с эффектом итеративизации применяется в первую очередь к моментативам, лишенным срединной стадии. Поэтому в последнем случае работает в точности тот же самый механизм и возникает тот же результат, что и в языках с граммемой прогрессива, в сферу действия которой попадает моментальный глагол. Самый предсказуемый результат — итеративное значение, например, в (27).

- (27) *Модель камнеметательной машины **выстреливает** камни под определенным углом к горизонту с фиксированной начальной скоростью* (<http://www.berdov.com/egge/formula/formula1/>).

Вторая интерпретация, значительно более затрудненная, — эффект замедленной съемки, например, в (28).

- (28) *Сочетание большой длины натяжения и коротких плеч позволяет **выстреливать** стрелу из составного лука с большей скоростью и на большую дальность* (engineerd.narod.ru).

Таким образом, результирующий эффект от присоединения форманта имперфективации оказывается вполне предсказуемым, если принимать во внимание акциональность исходного для данного механизма материала (производящей основы СВ) и характеристики синтагматического контекста, в первую очередь, имеющие отношение к референции и числу прямого дополнения. Очевидно, что если в двух приведенных примерах поменять число прямого дополнения, то результирующие значения и, соответственно, эффект имперфективации,

³⁰ Образования от наименований аспектуальных граммем прогрессива и дуратива, см. [Плуногья 2011а: 382—394; 2011б].

изменяться: в предложении, описывающем камнеметательную машину, при референции к единичной ситуации будет реализовано значение «замедленной съемки», а в описании лука мы получим итеративность, ср. (27а) и (28а).

(27а) *Модель камнеметательной машины **выстреливает** камень под определенным углом к горизонту с фиксированной начальной скоростью.*

(28а) *Сочетание большой длины натяжения и коротких плеч позволяет **выстреливать** стрелы из составного лука с большей скоростью и на большую дальность.*

Роль же первичного (исходного) имперфектива, принадлежащего к акциональным классам состояний (*знать, думать (что), иметь, брезговать* и т. п.) и непредельных процессов (*катить, плакать, ворошить, слушать* и т. п.), а также — частично — к классу (лексикографически) предельных процессов (*сты(ну)ть, стареть, сохнуть, таять* и т. п.), предопределена именно его семантико-акциональными свойствами. Все состояния и (не)предельные процессы в обязательном порядке располагают срединной стадией ситуации. Это обстоятельство дает возможность для осуществления как механизма (префиксальной) телисизации, которая в случае применения к лексикографически предельному процессу носит характер конкретизации предела-результата, так и порождает условия для последующей (квази)синонимии с вторичным (то есть приставочным) имперфективом и для реализации функции «джокера» НСВ₁ в его взаимоотношениях с НСВ₂ при их лексической близости. Приведем здесь цитату, поясняющую данные отношения: «Здесь (после примеров: *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *бить* <масло> вместо *взбивать*; *писать* <на пленку> вместо *записывать*; *крепить* <балку> вместо *прикреплять*. — Е. Г.) везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу “*sapienti sat*”)» [Зализняк и др. 2010: 20].

5. Выводы: о месте префиксальной перфективации и суффиксальной имперфективации в русском видообразовании

В этом разделе мы постараемся собрать воедино основные положения и выводы проведенного обсуждения и на этой основе эскизно обрисовать возможный альтернативный взгляд на строение русского вида.

В разделе 1, посвященном (единичной) префиксации русского глагола, на основании обращения к теории видовых гнезд Лоры Янды и серии статей С. Г. Татевосова, посвященных глагольной префиксации, мы пришли к выводу о том, что свойства лексических (внутренних) префиксов русского глагола (модификация акциональности, некомпозициональность значения, нестабильность актантной структуры) таковы, что гипотеза Л. Янды об их природе как глагольных классификаторов представляется в высокой степени правдоподобной. Одновременно эти префиксы являются набором деривационных формантов с общей для них аспектуальной функцией телисизации и перфективации, то есть введения соотношенности с пределом в случае исходных НСВ-основ, принадлежащих к состояниям и непредельным процессам, и конкретизации уже имеющегося предела в случае лексикографически предельных процессов с одновременным достижением этого предела (известное исключение — исходные НСВ-основы глаголов ненаправленного движения, то есть случаи типа *ходить* → *приходить*, *носить* → *заносить*, а также делимитативный и пердуративный префиксы, присоединяемые к любым исходным НСВ-основам). При этом часть внутренних префиксов существенно модифицирует лексическое значение исходного имперфектива (*писать* → *записать*), а другая часть, в соответствии с эффектом Вея — Схоневельда (в терминах теории видовых гнезд — гипотезы наложения), практически не изменяет исходную лексическую семантику, поскольку значение префикса оказывается близким исходному

значению основы (*писать* → *написать*). В этом случае естественным образом наиболее ощутимым эффектом от префиксации является телисизация и перфективация, но не модификация лексического значения, откуда, собственно, и возникло положение о наличии чистовидовых, или пустых, префиксов. Именно последняя группа префиксов послужила основой для выработки Э. Далем понятия вида «славянского типа» с его деривационной и словоклассифицирующей спецификой.

Раздел 2 был посвящен суффиксальной имперфективации. Воспользовавшись введенным С. Г. Татевосовым ограничением — запретом на третичную имперфективацию, я старалась показать, что суффиксальная имперфективация является особым механизмом, который регулярно и продуктивно работает на строго определенном участке глагольной деривации. Включается этот механизм после того, как глагольная основа получает внутренний префикс (это его левая граница, начало действия вторичной имперфективации) и прекращает свою работу в той точке глагольной деривации, когда данный механизм должен был бы применяться повторно (перед введением СО-префикса), став третичным. Запрет на третичную имперфективацию ставит правую границу сфере применения суффиксальной имперфективации. Задачей этого механизма является введение аспектуальной семантики имперфективации в ранее префигурованную (то есть получившую соотношенность с пределом) глагольную основу. Примечательно, что вторичная имперфективация реализуется при помощи единого продуктивного в настоящий момент маркера, суффикса *-(ы/и)ва-*; весьма значимо и то обстоятельство, что данный механизм не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также индифферентен к акциональности (префигурованной) СВ-основы. Таким образом, мы получаем морфосинтаксически четко обозначенную сферу действия грамматического (аспектуального по семантике) словоизменения русского глагола — суффиксальной (вторичной) имперфективации.

Раздел 3 был посвящен изложению результатов диахронического корпусного исследования вторичной имперфективации русского глагола на базе НКРЯ. Основное наблюдение над выдачами корпуса сводится к тому, что вторичная имперфективация (на протяжении охваченного НКРЯ временного периода) является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением, без сколько-нибудь явно выраженного тренда увеличения или снижения частотности образования НСВ₂. С другой стороны, нет никаких оснований утверждать, что имеются какие бы то ни было ограничения на образование вторичного имперфектива от префигурованного перфектива (за исключением сформулированного С. Г. Татевосовым ограничения на третичную имперфективацию в некоторых случаях множественной префиксации, см. раздел 2). Таким образом, мы вправе ожидать появления в речи русскоговорящих даже таких вторичных имперфективов, которые на данный момент не вошли в узус (*разбуживать*, *сделывать* и т. п.). В этом же разделе на основе отсутствия в материале глаголов СВ, которые должны были бы послужить производящими формами для зафиксированных НСВ₂, была высказана гипотеза о возможности вторичной имперфективации напрямую от исходной имперфективной основы с пропуском промежуточного этапа префиксальной перфективации (редуцированная модель *травить* → *растравливать* вместо полной деривационной модели *травить* → *растравить* → *растравливать*).

Раздел 4 был посвящен обсуждению семантических отношений между НСВ₁ и НСВ₂, в первую очередь в рамках видовых биимперфективных троек. Были высказаны соображения о различиях в акциональных характеристиках первичных и вторичных имперфективов. Это различия, обусловленные в немалой степени тем, что первые являются исходными глаголами, а вторые имеют в своем морфологическом составе два аспектуальных показателя: префикс-телисизатор и имперфективирующий суффикс. Суффиксальная имперфективация дает различный эффект в зависимости от акциональности как исходного имперфектива, стоящего в начале цепочки, так и второго, перфективного звена деривации. В частности, если на этапе префигурованного СВ мы получаем глагол с моментативной (пунктивной),

собственно событийной) семантикой, то суффиксальная имперфективация закономерно приводит к итеративному (или хабиутальному) значению НСВ₂. В этом случае обычные для биимперфективных троек (квази)синонимичные отношения первичного и вторичного имперфектива не возникают. Однако если на этапе префигированного СВ, подвергаемого в дальнейшем суффиксальной имперфективации, реализуется предельный процесс, то после имперфективации при его референции к единичной ситуации возникают благоприятные условия для (квази)синонимии вторичного и (исходного) первичного имперфектива, который в таком случае всегда может выступить в роли «джокера» для своего более эксплицитного и, соответственно, имеющего более сложную морфологическую структуру партнера. Необходимой предпосылкой для (квази)синонимии первичного и вторичного имперфектива в рамках биимперфективной тройки является наличие срединной стадии обозначаемой ситуации в обеих событийных структурах.

Думается, что все эти положения (если они верны) позволяют поставить вопрос о возможности альтернативного представления аспектуальной системы русского глагола. Традиционной трактовке неоднородной с точки зрения морфологии, но единой с точки зрения функционирования несовершенного вида бинарной оппозиции СВ ~ НСВ может быть сопоставлена другая, более последовательная с точки зрения как единства показателей, так и соответствия накопленным типологией сведениям об устройстве аспектуальной семантической зоны. Эскизно такой подход может быть выражен следующим образом.

Видообразование русского глагола включает в себя два существенно различных механизма. Первый связан с использованием внутренних префиксов-телисизаторов, которые, присоединяясь к исходным глаголам (состояниям и (не)предельным процессам), порождают новые лексемы, отличающиеся от исходных акциональным классом (становятся предельными процессами или событиями) и в большей или меньшей степени модифицированным лексическим значением. Префиксы-телисизаторы (делимитативный *по-* и пердуративный *про-* в их число не входят) обуславливают функциональные особенности перфективных дериватов, что является естественным при основной семантической функции этих внутренних префиксов — ввести соотношенность с пределом в те основы, в которых ее ранее не было, или уточнить семантику предела, если он был присущ и исходному первичному перфективу. Внутренние префиксы-телисизаторы представляют собой некую систему из значительного количества (около двух десятков) единиц, которые по доступной с ними сочетаемости разделяют все множество исходных первичных имперфективов (или их значений), то есть лексем в понимании Московской семантической школы) на непересекающиеся классы (см. обоснование этой точки зрения в рамках профилей радиальных категорий и семантических профилей приставок в [Янда 2012: 12—25; Janda et al. 2013: 19—115]). Таким образом, внутренние префиксы-телисизаторы ведут себя подобно именованным классификаторам, являясь их глагольными аналогами (я склонна поддержать гипотезу Л. Янды о глагольных классификаторах). Очевидно, что если ориентироваться в первую очередь на изложенный префиксальный механизм перфективации, то мы получаем ту самую специфическую модель «славянского вида».

Второй механизм, в отличие от описанного выше деривационно-словоклассифицирующего, имеет последовательно словоизменяемый характер. И это механизм суффиксальной (так называемой вторичной) имперфективации. Он получает на вход исключительно префигированные (по крайней мере единожды) глаголы СВ, использует единственный продуктивный показатель (суффикс *-(ы/и)ва-*) и производит семантическое воздействие, аналогичное свойственному граммеме прогрессива (или, несколько шире, дуратива), в том случае, если не обнаруживает «сопротивления материала». Под сопротивлением материала имеется в виду неблагоприятная для обеих граммем, направленных на высвечивание срединной стадии ситуации, но возможная для СВ-глагола акциональная характеристика моментативного (пунктивного, собственно событийного) характера. В последнем случае свойственное прогрессиву (дуративу) высвечивание срединной стадии ситуации произойти

не может (за отсутствием таковой) или в значительной степени затруднено (понадобится искусственно создать этот участок событийной структуры путем использования эффекта замедленной съемки). В результате такого неблагоприятного взаимодействия акционального класса СВ-глагола и имперфективирующего показателя реализуется значение итеративности (диахронически, по всей видимости, исходное и превалирующее при применении суффикса имперфективации к исходному первичному имперфективу). К осложнениям описанного словоизменительного механизма относится возможность множественной префиксации (см. [Татевосов 2009; 2013] и краткое изложение вопроса в разделе 2 выше).

Представляется, что предложенная модель, акцентирующая внимание на двух различных морфосинтаксических механизмах, отличается несколько большей последовательностью, чем традиционная. В ее рамках возможно двоякое описание системы: либо как совмещение в языке двух различных видовых оппозиций, либо трактовка системы как имеющей единственную грамматическую категорию вида словоизменительного характера. Категорию, располагающую механизмом, который способен порождать регулярные пары словоформ типа (префигированный) СВ — (префигированный) НСВ₂.

При реализации первой возможности ситуацию с видообразованием в русском языке нужно будет описать как параллельное существование двух явлений: деривационно-словоклассифицирующего «вида славянского типа» с объединенными в функциональные видовые пары лексемами имперфективной и перфективной семантики (НСВ₁ — СВ) и уже описанной словоизменительного характера бинарной оппозицией с исходным СВ и формой вторичного имперфектива. Семантика перфектива неизбежно окажется кластером, объединяющим в себе граммы пунктива, лимитатива, комплетива, ингрессива и, возможно, перфекта. Семантика (вторичного) имперфектива также будет кластером с совмещением аспектуальных значений прогрессива, дуратива, итератива и хабитуалиса.

В любом случае специальным образом нужно будет отмечать функциональное сходство первичного и вторичного имперфектива, обеспечиваемое тем, что и те и другие принадлежат к акциональным классам состояний, (не)предельных процессов и вторичных состояний, возникших в результате итеративизации событий (общим для всех перечисленных акциональных классов является наличие срединной стадии ситуации). Однако, если первичный имперфектив выполняет свои имперфективные функции в силу «вида лексического» (напомним, что лексический вид — синоним акциональности и объединяет явления, называемые ситуационными типами, акциональными классами, семантическими типами предикатов, аспектуально-семантическими классами, таксономическими категориями), то вторичный имеет в своей морфемной структуре специальный показатель с семантикой имперфективности, то есть представляет собой прототипический случай грамматической словоформы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 103—114. [Apresjan Yu. D. Interpretation of redundant aspectual paradigms in the defining dictionary. Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy*. Vol. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995. Pp. 103—114.]
- Апресян 1997 — Апресян Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: МАКС Пресс, 1997. С. 7—20. [Apresjan Yu. D. Lexicographical interpretation of the aspect: non-trivial cases. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*. Vol. 2. Moscow: MAKS Press, 1997. Pp. 7—20.]
- Гловинская 2008 — Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике. Глагол // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 189—224. [Glovinskaya M. Ya. Active processes in the grammar. The verb. *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov*. Krysin L. P. (ed). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 189—224.]

- Гловинская 2010 — Гловинская М. Я. Потенциальные глагольные формы // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 171—199. [Glovinskaya M. Ya. Potential verb forms. *Sovremennyyi russkii yazyk: Sistema — norma — uzus*. Krysin L. P. (ed). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 171—199.]
- Горбова 2009 — Горбова Е. В. Непредельные глаголы в русском языке: единство, дихотомия или градуальность? // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 5. С. 3—12. [Gorbova E. V. Non-telic verbs in Russian: unity, dichotomy or graduality? *Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka*. 2009. Vol. 68. No. 5. Pp. 3—12.]
- Горбова 2011 — Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20—45. [Gorbova E. V. Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 4. Pp. 20—45.]
- Горбова 2014 — Горбова Е. В. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. № 2. [Gorbova E. V. Aspect formation of the Russian verb revisited: inflectional interpretation of the aspect. *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 2.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863—1866. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Russian language]: In 4 vols. St. Petersburg, 1863—1866.]
- Зализняк, Микаэлян 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010» // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (дата обращения — 13.07.2014). [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L. O meste vidovykh troek v aspektual'noi sisteme russkogo yazyka. Doklad na konferentsii «Dialog 2010» [About the place of aspectual triples in the aspectual system of the Russian language. Report at the conference «Dialogue 2010»]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (address date — 13.07.2014).]
- Зализняк, Микаэлян 2012 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48—65. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L. On some arguable points of Laura Janda's aspectological theory. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 48—65.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Зализняк и др. 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3—23. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Aspectual correlation in Russian: supporting the «aspectual pair» notion. *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 1. Pp. 3—23.]
- Исаченко 2003 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т I—II. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v сопоставlenii so slovatskim. Morfologiya* [The grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Vol. I—II. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Карцевский (1927) 1962 — Карцевский С. IV. 'Вид' // Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 218—230. [Kartsevskii S. IV. 'Aspect'. *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov J. S. (ed). Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218—230.] (Karcevski 1927 — Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague: Legiografie, 1927).
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. [Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Кузнецова, Янда 2013 — Кузнецова Ю. Л., Янда Л. А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87—96. [Kuznetsova Yu. L., Yanda L. A. Prefixes from the point of view of cognitive linguistics and typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 4. Pp. 87—96.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktсии s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of constructions with motion verbs and position verbs]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]

- Маслов 1965 — Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53—80. [Maslov Yu. S. A system of basic concepts and terms of the Slavic aspectology. *Voprosy obshchego yazykoznaneya*. Leningrad: Leningrad State Univ., 1965. Pp. 53—80.]
- Маслов 1978 — Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4—44. [Maslov Yu. S. Towards the foundations of comparative aspectology. *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*. Leningrad: Leningrad State Univ., 1978. Pp. 4—44.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaney* [Selected writings. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пазельская, Татевосов 2008 — Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Плуноян В. А., Татевосов С. Г. (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. [Pazel'skaya A. G., Tatevosov S. G. The deverbative noun and structure of the Russian verb. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim* [Aspectual categories of the verb in Russian versus Czech, Slovak, Polish and Bulgarian]. Moscow: Moscow State Univ., 2000.]
- Петрухина 2009 — Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009. [Petrukhina E. V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [The Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of recent linguistic research)]. Moscow: MAK Press, 2009.]
- Плуноян 2000 — Плуноян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плуноян 2011a — Плуноян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плуноян 2011b — Плуноян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 290—309. [Plungian V. A. Typological aspects of the Slavic aspectology (some additions to the topic). *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 290—309.]
- Плуноян 2012 — Плуноян В. А. Предисловие // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. [Plungian V. A. Preface. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. VIII. Part 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. No. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii. Kazansky N. N. (ed). St. Petersburg: Nauka, 2012.]
- Полс 1993 — Полс А. Варианты приставочных глаголов несовершенного вида в русском языке. Амстердам: Родопи, 1993. [Pols A. *Varianty pristavochnykh glagolov nesovershennogo vida v russkom yazyke* [Variants of imperfective prefixal verbs in Russian]. Amsterdam: Rodopi, 1993.]
- Ремчукова 2011 — Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011. [Remchukova E. N. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki* [Creative potential of the Russian grammar]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: URSS, 2011.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плуноян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds). Moscow: Probel, 2009. Pp. 92—156.]

- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Избыточность в грамматическом строе языка*. Т. VI. Ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 299—321. [Tatevosov S. G. The primary and the secondary in the structure of imperfectives. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka*. Vol. VI. Part. 2. Kazansky N. N. (ed). St. Petersburg: Nauka, 2010. Pp. 299—321.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // *Вопросы языкознания*. 2013. № 3. С. 42—89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 3. Pp. 42—89.]
- Томмола 2008 — Томмола Х. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2008. С. 218—232. [Tommola H. Aspectually significant manners of action. Towards the rehabilitation of the pair purity. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. Lingvistika XI. Yazyk v funktsional'no-pragmaticheskom aspekte. Tartu: Tarty Univ., 2008. Pp. 218—232.]
- Уорф 1972 — Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44—60. [Whorf B. L. Grammatical categories. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 44—60.]
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под. ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- Храковский 2005 — Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 46—59. [Khrakovskii V. S. Aspectual triples and aspectual pairs. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 9. Pp. 46—59.]
- Храковский 2006 — Храковский В. С. Аспектологические заметки // Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 202—213. [Khrakovskii V. S. Aspectological notes. *Filologiya. Russkii yazyk. Obrazovanie. Sbornik statei, posvyashchennyi yubileyu prof. L. A. Verbitskoi*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Univ., 2006. Pp. 202—213.]
- Янда 2012 — Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // *Вопросы языкознания*. 2012. № 6. С. 3—47. [Janda L. A. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 3—47.]
- Ясай 2001 — Ясай Л. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // Недялков И. В. (отв. ред.). Исследования по языкознанию. Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 106—118. [Jászay L. Specifics of secondary imperfectives of aspectual correlations. *Issledovaniya po yazykoznaniiyu. Sb. statei k 70-letiyu A. V. Bondarko*. Nedyalkov I. V. (ed). St. Petersburg: Saint-Petersburg State Univ., 2001. Pp. 106—118.]
- Barentsen 1985 — Barentsen A. A. *'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie poka. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch*. *Academisch proefschrift*. Amsterdam: University of Amsterdam, 1985.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Endresen et al. 2012 — Endresen A., Janda L. A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. Russian «purely aspectual» prefixes: not so «empty» after all? *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 58. No. 2. Pp. 231—291.
- Forsyth 1970 — Forsyth J. A. *Grammar of aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Janda 2007 — Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. 31. No. 3. Pp. 607—648.
- Janda, Korba 2008 — Janda L. A., Korba J. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian. *Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. No. 2. Pp. 254—270.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual Pairs in the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 201—215.
- Janda et al. 2013 — Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers Indiana University, 2013.

- Maslov 1959 — Maslov J. S. Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slavistik*. 1959. Bd 4. Hft. 4. Ss. 560—568. (Переизд. в: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004.)
- Mehlig 1994 — Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке. *Revue des études slaves*. 1994. Vol. 66. No. 3. Pp. 585—606.
- van Schooneveld 1958 — van Schooneveld C. H. The so-called 'préverbes vides' and neutralization. *Dutch contributions to the Forth International congress of Slavistics*. The Hague: Mouton, 1958. Pp. 159—161.
- Tatevosov 2011 — Tatevosov S. Severing perfectivity from the verb. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 216—244.
- Vendler 1967 — Vendler Z. Verbs and times. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell U. Press, 1967. Pp. 97—121.
- Verkuyl 1972 — Verkuyl H. J. On the compositional nature of the aspects. *Foundations of Language Supplementary Series*. Dordrecht: Reidel, 1972. Vol. 15.
- Verkuyl 1993 — Verkuyl H. J. Theory of Aspectuality. The Interaction between temporal and atemporal structure. *Cambridge Studies in Linguistics*. Vol. 64. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Vey 1952 — Vey M. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne. *Revue des études slaves*. 1952. Vol. 29. Pp. 82—107.

Статья поступила в редакцию 11.08.2014.